

ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ НА ТРОНЕ

БЫТЬ ИМПЕРАТРИЦЕЙ

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Как жили женщины разных эпох

**Быть императрицей.
Повседневная жизнь на троне**

«Алгоритм»

2018

УДК 929:94(47)
ББК 63.3(2)-8

Быть императрицей. Повседневная жизнь на троне /
«Алгоритм», 2018 — (Как жили женщины разных эпох)

ISBN 978-5-906995-38-4

Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и, наконец, Екатерина Великая. Те времена прозвали женским веком русской истории. В те годы было положено начало женскому образованию в России, построены красивейшие здания эпохи классицизма, а балы и маскарады, организованные царским двором, проходили чуть ли не каждый день. Чем жили женщины на троне, о чем думали, что радовало их, а что огорчало? Лучше всего об этом могут рассказать сами императрицы. Предлагаемое издание содержит письма и дневники величайших женщин в истории России, раскрывающие все подробности жизни царственных особ.

УДК 929:94(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-906995-38-4

, 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Судьба Психеи. Елизавета Алексеевна, супруга Александра I	8
Из мемуаров Варвары Голицыной[1]	9
Императрица Елисавета Алексеевна (1779–1826)	22
Письма Елизаветы Алексеевны матери – Фредерике Амалии, наследной принцессе Баденской[4]	27
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Быть императрицей. Повседневная жизнь на троне

© Е. Первушина (авт. – сост.), 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Предисловие

Русские императрицы были немками. Таковы «правила игры в высшей лиге»: брак должен связать императорский дом с другим правящим домом. Католичек – француженок, испанок, итальянок – при русском дворе остерегались, да и они не хотели менять религию. Оставались многочисленные протестантские княжества Германии, которые должны были снабжать северного соседа румяными, широкобедрыми и здоровыми принцессами и не пытаться вмешиваться в политику России. Образцом в этом смысле была София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская, супруга Павла Петровича, принявшая при переходе в православие имя Марии Федоровны. Она родила мужу десять детей, из которых в младенчестве умерла только одна девочка. Четверо из них были мальчиками, что также немаловажно.

Принцессы выходили замуж за великих князей. Иногда они знали, что в будущем станут императрицами огромной страны, но, сколько продлится ожидание, они не ведали. Иногда же корона сваливалась им буквально как снег на голову.

Главное, чему они должны были сразу же научиться, – это умению ладить. Ладить с императрицей, место которой они когда-то займут. Ладить с императором. Ладить со своим мужем. Ладить с придворными, у которых тоже была своя спесь и которые могли сделать их жизнь невыносимой. И при этом ладить, не теряя достоинства и не забывая о своих интересах. Великой мастерицей в этом деле была София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, ставшая в России Екатериной Алексеевной, а затем – императрицей Екатериной II.

Портрет Екатерины II. Художник Ф.С. Рокотов. 1763 г.

*Любовию к России дышит,
Ей зиждет счастье и покров:
Законы, суд и милость пишет
И гром бросает на врагов.*

(Г. Державин)

Наши героини не сделали такой головокружительной карьеры. Они оставались женами своих мужей (по большей части верными женами), матерями своих детей и украшениями своих дворов. А что творилось в их душах? Об этом они поведали в своих письмах и дневниках. И теперь благодаря этому вы тоже можете узнать, легко ли быть императрицей.

Часть I. Судьба Психеи. Елизавета Алексеевна, супруга Александра I

Шестнадцатилетнего жениха и четырнадцатилетнюю невесту называли Амуром и Психеей. Гавриил Романович Державин сочинил к их помолвке такие стихи:

*Амуру вздумалось Психею,
Резвяся, поимать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.*

*Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
А он как будто бы робеет
От случая сего.*

*Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать,
И он своих крылатых служек,
Чтоб помочь им подать.*

*Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся, –
Как вкопаны стоят.*

*Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Психея не бежит, не стонет:
Свились, как лист с травой.*

*Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовью душа.*

Сохранились воспоминания фрейлины Варвары Голицыной о первых годах этого супружества.

Из мемуаров Варвары Голицыной¹

Вскоре заговорили о предстоящей женитьбе великого князя Александра на принцессе Луизе Баденской. Императрица отправила графиню Шувалову и Стрекалова ко двору марк-графа Баденского просить наследных принца и принцессу, чтобы их дочь, принцесса Луиза, предприняла путешествие в Россию.

31 октября 1792 года принцесса Луиза приехала в сопровождении своей сестры принцессы Фредерики, будущей шведской королевы. Луизе было тринадцать с половиной лет, ее сестра была годом моложе. Их приезд произвел большое впечатление. Дамы, имевшие доступ во дворец и в Эрмитаж, были им представлены особо. Я не входила в их число, так как только что оправилась от серьезной болезни после потери моей второй дочери, прожившей всего пять месяцев. Увидела я принцесс на две недели позже, чем прочие дамы, и имела честь представляться им в Шепелевском дворце, где они остановились. Этот дворец находился рядом с Эрмитажем. Прелесть и грация принцессы Луизы бросались в глаза. Именно такое впечатление она произвела на всех, кто ее видел. К ней я особенно привязалась. Ее молодость и мягкость внушали мне живое участие и своего рода страх, от которого я никак не могла избавиться. Графиня Шувалова была моей родственницей, и ее безнравственность и склонность к интригам заставляли опасаться за будущее принцессы Луизы. Назначая меня к особе принцессы, императрица, казалось, желала, чтобы рядом с ней находился кто-то, кто был к ней искренне и неофициально привязан.

¹ Полностью см.: В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016.

Александр I и Елизавета Алексеевна. Художник П. Кросси. После 1807 г.

«Однажды вечером, когда мы рисовали вместе с остальным обществом за круглым столом в бриллиантовой комнате, Великий Князь Александр подвинул мне письмо с признанием в любви, которое он только что написал...»

(Из личных записей Елизаветы Алексеевны)

Ниже я передам то, что сама принцесса Луиза, ныне императрица Елисавета, сообщила мне о своем приезде в Петербург.

«Мы приехали с сестрой Фредерикой, – рассказывала она, – между восемью и десятью часами вечера. В Стрельне, последней станции перед Петербургом, нас встретил камергер Салтыков, которого государыня назначила дежурить при нас по приезде. Стрекалов и графиня Шувалова сели к нам в экипаж. Все эти приготовления к самому примечательному

в моей жизни моменту, важность которого я уже чувствовала, возбудили во мне большое волнение, и когда, при въезде в городские ворота, мои спутники воскликнули: “Вот мы и в Петербурге!” – то, пользуясь темнотой, я быстро взяла сестру за руку. По мере приближения мы все больше и больше сжимали руки: этим неммым языком мы выражали чувства, волновавшие наши души.

Нас поселили в Шепелевском дворце. Я взбежала по ступенькам большой, прекрасно освещенной лестницы. У Стрекалова и графини Шуваловой ноги были слабы, и потому они остались далеко позади. Салтыков был со мной, но остался в передней, а я пробежала все комнаты, не останавливаясь. Наконец я вошла в спальню, убранную мебелью с малиновой обивкой. Войдя, я увидела двух дам и господина. Быстрее молнии у меня промелькнула мысль: “Я в Петербурге у императрицы, и, конечно, это она меня встречает. Наверное, это она”. И я подошла поцеловать руку той, которая более была похожа на портрет государыни, составившийся в моем воображении. По самому распространенному портрету, который я видела несколько лет спустя, я, наверное, не узнала бы ее так скоро. Она была с князем Zubовым – в то время еще просто Платоном Zubовым – и с графиней Браницкой, племянницей князя Потемкина. Императрица сказала, что чрезвычайно рада со мной познакомиться, а я ей передала выражения почтительной преданности от моей матери. Тут явились моя сестра с графиней Шуваловой. После непродолжительного разговора императрица удалилась, а я вся отдалась тому волшебному чувству, которое охватило меня при виде всего окружающего. Ничто не производило на меня такого сильного впечатления, как двор Екатерины, увиденный в первый раз.

Третий день после приезда был весь посвящен уборке наших голов по придворной моде и примерке русского платья: мы должны были быть представлены великому князю-отцу и великой княгине. Я в первый раз в жизни была в фижмах и с напудренными волосами.

Вечером, в шесть или семь часов, нас повезли к великому князю Павлу. Он принял нас очень хорошо. Мария Феодоровна осыпала меня ласками, говорила со мной о моей матери, о всей семье, о том, как мне, должно быть, было тяжело расставаться с ними. Этим обращением она совершенно покорила мое сердце, и не моя вина, что привязанность к великой княгине не обратилась потом в любовь дочери к уважаемой матери.

Нас усадили, великий князь послал за своими сыновьями и дочерьми. Я как сейчас вижу, как они входят. За великим князем Александром я следила настолько внимательно, насколько это позволяли приличия. Он был очень красив, хотя и не так, как мне описывали. Он не подходил ко мне и поглядывал довольно неприязненно.

После визита к их высочествам мы прошли к императрице, сидевшей уже за партией бостона в Бриллиантовой комнате. Нас пригласили за круглый стол к графине Шуваловой с дежурными фрейлинами и камер-юнкерами. Вскоре вслед за нами пришли молодые великие князья. Александр до конца вечера не сказал мне ни слова, ни разу не подошел, даже избегал меня. Лишь постепенно он сделался по отношению ко мне обходительнее. Маленькие собрания в Эрмитаже в очень тесном кружке, вечера, проводимые вместе у круглого стола в Бриллиантовой комнате, где мы играли в секретари или рассматривали эстампы, – все это понемногу привело к сближению. Однажды вечером, спустя примерно шесть недель после нашего приезда, за круглым столом в Бриллиантовой комнате, где мы рисовали вместе с остальным обществом, он потихоньку от других сунул мне только что написанную им записку с объяснением. Он писал, что по приказанию родителей сообщает мне о том, что меня любит, и спрашивает, могу ли я отвечать на его чувство и может ли он надеяться, что я буду счастлива, выйдя за него замуж. Я, тоже на клочке бумаги, ответила ему утвердительно, прибавив, что исполню желание родителей, приславших меня сюда. С этого момента на нас стали смотреть как на жениха и невесту и мне дали учителя русского языка и закона Божия».

На другой день после представления принцессы великому князю-отцу императрица дала торжественную аудиенцию для польских депутатов: графов Браницкого, Ржевусского и Потоцкого, вожак партии, желавшей установления наследственности польской короны. Они просили государыню взять Польшу под свое покровительство. Это была первая публичная церемония, на которой присутствовала принцесса Луиза. Императрица сидела на троне, в зале, называемой Тронной. Здесь и у входа в Кавалергардскую залу толпилась публика. Граф Браницкш произнес речь на польском языке, вице-канцлер отвечал ему по-русски, стоя на ступеньках трона. Когда церемония закончилась, государыня удалилась в свои покои. Принцесса Луиза последовала за ней, но в то время, как она обходила трон, ее нога задела за золотую бахрому бархатного ковра, лежавшего на полу. Принцесса пошатнулась и, наверное бы, упала, если бы Платон Зубов ее не поддержал.

Это смутило принцессу и привело ее в отчаяние, тем более что она в первый раз появлялась публично. Нашлись люди, которые объяснили это маленькое событие как дурное предзнаменование. Им не пришло в голову, что можно найти и счастливое объяснение, как это сделал в подобном случае Юлий Цезарь. Высаживаясь на берег Африки, чтобы преследовать остатки республиканской армии, он упал в тот момент, когда вступал на африканскую землю. «Африка, я овладеваю тобой!» – воскликнул он, истолковав таким образом в свою пользу то, что другие могли бы объяснить в дурную сторону.

«Я приближаюсь к самому интересному периоду моей жизни. Новое и великолепное зрелище открывалось перед моими глазами: блестящий и величественный двор, великая государыня, которая меня, видимо, приближала к той, что внушала мне привязанность, перенесшую все испытания. Чем чаще мне доводилось видеть принцессу Луизу, тем больше я к ней привязывалась. Мое участие не укрылось от нее, и я с радостью это заметила.

В начале мая двор переехал в Царское Село, а на следующий день после приезда ее величество приказала моему мужу, чтобы и я также приехала в Царское на все лето. Это приказание привело меня в восторг. Я немедленно отправилась, чтобы добраться туда до вечернего собрания, которое устраивала у себя императрица. Переодевшись, я тотчас отправилась во дворец и представилась государыне. Она вышла в шесть часов, обошлась со мной с большой добротой и сказала...»

* * *

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла вместе с невыразимой прелестью и фацией во всей фигуре замечательную для четырнадцатилетней девушки выдержку и сдержанность. Во всех ее поступках заметны были следы усилий уважаемой и любимой матери. Ее тонкий ум с замечательной быстротой схватывал все, что могло служить к его украшению, подобно пчеле, собирающей мед даже с самых ядовитых растений, а разговор дышал всею свежестью молодости. Я наслаждалась, слушая ее, изучая эту душу, столь непохожую на другие. Душа эта, сочетая в себе все добродетели, открыта была и для всяких опасных влияний. Ее доверие ко мне возрастало с каждым днем, вполне оправдываясь теми чувствами, которые я питала к ней, и поэтому добрая ее слава сделалась еще дороже, еще ближе моему сердцу.

Первое лето, которое мы провели вместе, было только преддверием дружбы, продолжавшейся несколько лет. Она мне представлялась прекрасным молодым растением, стебли которого могли бы дать при хорошем за ним уходе прекрасные отпрыски, но которому угрожали постоянные бури и ураганы. Опасности, угрожавшие ей, удваивали мои о ней заботы. Я часто с сожалением вспоминала о ее матери, единственном существе, способном завершить ее воспитание, начатое так хорошо, и бывшем живым примером добродетели, который мог бы предохранить ее от ошибок и увлечений...

* * *

Двор проводил вечера у принцессы Луизы, которая со времени своего миропомазания и помолвки получила титул великой княжны и имя Елисаветы Алексеевны. Племянницы Протасовой бывали там постоянно. Принцесса Фредерика немало способствовала оживлению общества. Она была очень умна и хитра и, несмотря на свой юный возраст, выказывала решительность характера. Увы, ее судьба, хотя и блестящая, подвергла ее немалым испытаниям, и корона, возложенная на ее голову, была покрыта шипами. В конце пребывания двора в Царском Селе она уехала и вернулась к матери. Сцена разлуки двух сестер была очень трогательна. Накануне ее отъезда, идя к великой княжне Елисавете, я встретила под сводами террасы императрицу, выходящую от принцессы Фредерики. Она возвращалась с прощального визита от нее...

Утром следующего дня, когда все было готово к отъезду и двор великого князя собрался, мы прошли через сад и цветник до лужайки, где стоял экипаж принцессы Фредерики. После раздирающих душу прощаний великая княжна вскочила в карету к сестре в тот момент, когда дверцы уже закрывались, и, поцеловав ее еще раз, поспешно вышла, схватила мою руку и побежала со мной к Руине, находившейся в конце сада. Там она бросилась под дерево и предалась своему горю, положив голову ко мне на колени. Но когда графиня Шувалова вместе с остальным двором подошли к нам, великая княжна тотчас вскочила, подавила слезы и медленно, с совершенно спокойным лицом направилась к дому. Так уже в столь юные годы она умела скрывать свое горе. Эта черта многих заставляла ошибаться в ее характере. Не умея понять, они считали ее холодной и бесчувственной. Когда мне говорили об этом, я всегда отвечала молчанием: бывают в сердце такие святыне и дорогие уголки, говорить о которых – все равно что совершать проступок против них, и есть суждения, настолько низкие и достойные презрения, что не заслуживают, чтобы им оказывали честь оспаривать их.

Портрет принцессы Луизы Баденской (Екатерины Алексеевны) в юности

Портрет принцессы Луизы Баденской (Екатерины Алексеевны) в юности Луиза росла в теплой семейной обстановке. Особенно близкой она была со своей матерью, переписку с которой поддерживала до самой смерти. Как и все дети получила достойное образование, блестяще говорила по-французски

Приготовления к свадьбе великого князя Александра начались тотчас по возвращении двора в город. Все этого ждали с живым интересом. Наконец, настало 23 сентября 1793

года. В церкви Зимнего дворца было устроено возвышение, на котором предстояло совершиться брачной церемонии, для того чтобы всем было видно. Как только молодые поднялись на него, всеми овладело чувство умиления: они были хороши, как ангелы. Обер-камергер Шувалов и князь Безбородко держали венцы. Когда окончился обряд венчания, новобрачные сошли, держась за руки. Александр опустился на колени перед императрицей, чтобы благодарить ее, но государыня подняла его, обняла и поцеловала со слезами. Такую же нежность государыня выказала и по отношению к Елисавете. Затем молодые поцеловались с великим князем-отцом и великой княгиней-матерью, которые тоже благодарили государыню. Павел Петрович был глубоко тронут, что всех очень удивило. В то время он любил свою невестку, как настоящий отец.

Граф Ростопчин, долго пользовавшийся милостью Павла, рассказывал мне, что однажды в Гатчине, в разговоре о юной великой княгине, тот с живостью заметил:

– Нужно отправиться в Рим, чтобы найти вторую Елисавету.

Потом все изменилось. Кое-какие несчастные обстоятельства возбудили сомнения и придали вид правды самым ужасным клеветам. Такова судьба царственных особ: самые законные и естественные их чувства постоянно искажаются людьми низкими, ловкими, льстивыми и жаждущими только того, чтобы сохранить царскую милость за счет истинно преданных людей.

Император Павел больше других опасался быть обманутым. Его характер, делавшийся все более недоверчивым, оказался очень удобен для тех, кто желал его гибели. Супруга хотя и любила его, но своими попытками влиять на него лишь больше его раздражала. Она окружила его интригами, которые льстили самолюбию, но уничтожали доброту характера. Она полагала, что, помогая несчастным, исчерпывает все свои обязанности благотворения, однако тщеславие, которое часто вредило ей, отравляло и дела ее благотворительности, главным источником которых должно быть доброе сердце. Она стала завидовать красоте, грации и изяществу Елисаветы, дружбе с ней императрицы и особенно воздаваемым ей почестям. Перемену ее по отношению ко мне я могу приписать лишь особенной моей привязанности к ее невестке. Ее доброта и милость ко мне, продолжавшиеся шестнадцать лет, обратились в ненависть. Она старалась погубить меня во мнении Елисаветы, уверенная, что ничто не могло бы задеть меня больнее.

В день свадьбы был большой обед, вечером – бал в парадной зале великого князя Александра. Императрица, Павел Петрович и Мария Феодоровна проводили молодых до их покоев. На следующий день был еще один бал в большой галерее у государыни, затем последовало еще несколько празднеств.

* * *

Ничего не могло быть интереснее и красивее этой прелестной пары: Александра и Елисаветы. Их можно было сравнить с Амуром и Психеей. Окружающие замечали, что в чувствах они вполне отвечали друг другу. Великий князь оказывал тогда мне честь удостоивать особенного своего доверия. Утром мы всегда гуляли втроем: и муж, и жена одинаково желали меня видеть. Если супруги слегка ссорились между собой – меня звали быть судьей. Помню, что после одной из их размолвок они приказали мне прийти на следующее утро в семь часов в нижний этаж дворца, в комнаты моего дяди, выходившие в парк. Я отправилась туда в назначенное время. Оба они вышли на террасу. Великий князь влез через окно, велел передать стул, вылез, заставил меня выскочить в окно – словом, проделал все, чтобы придать обычному делу вид приключения. Они схватили меня за руку, отвели в бывший Эрмитаж в глубину сада, там усадили на стол, и заседание было открыто. Оба говорили одновременно. Приговор состоялся в пользу великой княгини, которая была совершенно права. Великому

князю надо было признаться в своей неправоте, что он и сделал. Покончив с серьезным делом, мы очень весело отправились гулять.

Тем летом мы совершали прелестные прогулки. Императрица желала только одного: видеть своих внуков счастливыми и довольными. Она позволила им гулять везде, где они ни пожелают, даже и после обеда. Как-то раз велели приготовить охоту в Красном Селе. Эта деревня находится на небольшом расстоянии от Дудергофа, трех холмов, из которых два покрыты густым лесом. На них растут прелестные цветы, гербаристы собирают там очень интересные коллекции. На среднем холме лес менее густой. На вершине его построена финская деревня, а лютеранская церковь придает ему живописность. Мы вернулись во дворец в самый жар, пророчивший сильную грозу, и пообедали с большим аппетитом. Едва мы вышли из-за стола, как раздался сильнейший удар грома. Блеснувшая молния ослепила нас. Полил обильный дождь, пошел град. Елисавета Алексеевна бегала за градинами, которые вкатывались в комнату через каминную трубу. Вся эта суета, охотничий азарт, разнообразные волнения нас с нею очень забавляли. Фрейлина княжна Голицына затворилась в спальне: она сильно боялась грозы. Молодая графиня Шувалова ушла вместе с ней, а ее мать ходила то к ним, то к нам. Мы с великой княгиней наслаждались общими чувствами: гроза, гром и молния представлялись нам прекрасным зрелищем, и мы любовались ими, облокотившись на подоконник. Мы обе были в амазонках и черных касторовых шляпах. Шляпа великой княгини была украшена лентой стального цвета, и она потихоньку переколола ее на мою, чтобы обменять их незаметным образом. В тот же день она передала мне записку, которая и теперь хранится у меня в медальоне вместе с ее портретом и прядью волос.

Что может быть приятнее первого проявления чувства дружбы? Ничто не должно становиться у него на дороге. Доверчивостью, увлеченностью и чистотой дружба походит на вечноцветущий сад. В дружбе любят без страха и угрызений совести, и какое счастье, можно даже сказать, более, чем счастье, владеть верным и чувствительным сердцем!..

Гроза прошла. За ней последовала самая полная тишина. Воздух был мягок и ароматен. Все способствовало тому, чтобы сделать нашу прогулку приятной. Некоторое время охотились, потом взобрались на первый из холмов. С вершины его открывался прелестный вид. Цветы и земляника росли под самыми нашими ногами. Потом мы поднялись на самый лесистый из холмов. В стороне находился птичник для фазанов, окруженный густыми деревьями, среди которых мы заметили тропинку, ведущую на вершину. Великой княгине захотелось туда взобраться, но тропинка была слишком камениста и крута. Вскоре придумали, как ее туда доставить: возле птичника нашли финскую тележку, запряженную лошадей, и предложили этот экипаж великой княгине. Та приняла его с радостью. Вместе с нею усадили меня, княжну Голицыну и молодую графиню Шувалову. Камергеры и камер-юнкеры помогали лошади: одни тянули ее за узду, другие толкали тележку. Великий князь и некоторые придворные ехали верхом. Эта многочисленная свита и финская тележка напоминали волшебную сказку и, казалось, скрывали в себе что-то таинственное. Все в жизни – тайна, даже и финская тележка.

Прогулка продолжалась долго. Мы вернулись в открытых экипажах. Вечер был восхитительный: свет сменился сумерками, все предметы: холмы, деревья, колокольни – обрисовались черной тенью на дымчатом небе. Говорили мало, но каждый по-своему был очарован.

В Царском Селе жила графиня Толстая, жена камергера великого князя. Она еще не была принята при дворе, но имела позволение бывать у великой княгини в качестве приближенной к ее двору. Я знала ее с детства, но мало. Она была мне родственницей по мужу, а граф Толстой в это время был моим поклонником. Он привез ее ко мне и сказал:

– Дарю вам мою жену.

Она справедливо обиделась его словам, которые и меня поставили в неловкое положение и установили между нами некоторое стеснение, к счастью, недолго продолжавшееся.

Толстая была красива и симпатична, но несчастные обстоятельства ее жизни усилили ее чрезмерную природную застенчивость. Когда мы оставались одни, она обыкновенно молчала, но наконец лаской и предупредительностью я достигла того, что она ко мне привыкла, стала откровенна и полюбила меня всеми силами своего сердца. Наше сближение перешло в подлинное чувство. Испытания, через которые мы обе прошли, только укрепили нашу дружбу, которая не должна и не может прекратиться.

Утром мы гуляли с ней вместе в окрестностях Царского Села. Как-то раз графиня пригласила меня отправиться в деревню колонистов, находившуюся в двенадцати верстах от дворца. Мы нашли ее прелестной и описали великому князю и великой княгине все подробности нашей прогулки. Их императорским высочествам также захотелось туда отправиться, и они получили позволение императрицы. Решено было, что для большей свободы они отправятся инкогнито под нашим покровительством. Великая княгиня должна была выдавать себя за мадемуазель Гербиль, свою горничную, а великий князь – за моего племянника. В восемь часов утра великая княгиня уселась со мной и графиней Толстой в коляску, мой муж поместился в собственном английском кабриолете, а великий князь вместе с ним. Приехав в дом госпожи Вильбад, куда мы вошли, великая княгиня погрузилась в воспоминания. Это жилище и одежда обитателей напоминали ей крестьян ее родины. Семейство Вильбад состояло из мужа, жены, сына с его женой и ребенком и молодой девушки. Пригласили двух соседей и стали играть прирейнские вальсы. Музыка и вся обстановка произвели большое впечатление на великую княгиню, но к удовольствию ее примешивалась легкая грусть. Муж мой отвлек ее от этого чувства, сказав:

– Мадемуазель Гербиль, вы слишком ленивы. Пора готовить завтрак. Пойдемте в кухню. Мы сейчас сготовим яичницу, а вы нарежете петрушки.

Великая княгиня повиновалась и таким образом получила свой первый кулинарный урок. На ней было белое утреннее платье, маленькая соломенная шляпа прикрывала ее прекрасные белокурые волосы. Принесли охапку роз; мы сделали из них гирлянду и украсили ею ее шляпу. Она была мила, как ангел. Великий князь Александр с трудом сохранял серьезность при виде моего мужа, который надел поварской колпак и имел очень смешной вид.

Портрет Великого князя Александра Павловича в юности. Художник Ж.Л. Вуаль. 1792 г.

*«Вы говорите, – писала Екатерина барону Ф. М. Гримму, – что ему предстоит выбрать, кому подражать: герою (Александру Македонскому) или святому (Александру Невскому). Вы, по-видимому, не знаете, что наш святой был героем. Он был мужественным воином, твердым правителем и ловким политиком и превосходил всех остальных удельных князей, своих современников... Итак, я согласна, что у господина Александра есть лишь один выбор, и от его личных дарований зависит, на какую он вступит стезю – святости или героизма»
(Екатерина II о своем внуке Александре)*

Мы отведали превкусной яичницы, а масло и густые сливки довершили завтрак. В углу комнаты находилась люлька со спящим ребенком. Молодая мать изредка ходила баюкать его. Великая княгиня, заметив это, опустилась на колени, покачала дитя, и глаза ее наполнились слезами. Она будто предчувствовала тяжелые испытания, которые готовило ей будущее.

Веселость и простота придали немало оживления нашей утренней прогулке. Обратный путь был поистине замечателен: лил потоками сильный теплый дождь, мы усадили великого князя в коляску под полость, прикрывавшую наши ноги. В коляске помещалось лишь три человека, и, несмотря на все наши старания, он промок до костей. Однако это не уменьшило нашей веселости, и мы долго еще с удовольствием вспоминали эту прогулку.

Госпожа Вильбад, приезжая иногда в город по своим делам, привозила мне масло. Я попросила ее привезти его также моему так называемому племяннику.

– Я не знаю, где он квартирует, – сказала она.

Я отвечала, что велю ее проводить, и один из моих слуг отвел ее во дворец. Когда она узнала истину, с ней едва не сделалось дурно от удивления и счастья. Великий князь вручил ей сто рублей и одежду для ее мужа. Помнится, что эта небольшая пенсия выдавалась ей потом в продолжение нескольких лет.

Удовольствиям не было конца. Императрица старалась сделать Царское Село как можно более приятным. Придумали бегать взапуски на лугу перед дворцом. Составилось два лагеря: Александра и Константина, – различавшиеся с помощью розового и голубого флагов с серебряными, вышитыми на них инициалами. Как и полагалось, я принадлежала к лагерю Александра. Императрица и лица неигравшие сидели на скамейке против аллеи, окаймлявшей луг. Прежде чем пуститься бежать, великая княгиня Елисавета вешала свою шляпу на флаг. Она едва касалась земли, до того была легка; воздух играл ее волосами. Она опережала всех дам. Ею любовались и не могли достаточно наглядеться на нее.

Эти игры нравились всем, и в них охотно принимали участие. Императрица, которая была олицетворенная доброта, заметила, что камергеры и камер-юнкеры, дежурившие при ней два раза в неделю, с сожалением расставались со своей службой. Она позволила им оставаться в Царском Селе сколько пожелают, и ни один из них не оставлял его в продолжение всего лета. Князь Платон Зубов принимал участие в играх. Грация и прелесть великой княгини Елисаветы производили на него сильное впечатление. Как-то вечером, во время игры, к нам подошел великий князь Александр, взял меня и великую княгиню за руки и сказал:

– Зубов влюблен в мою жену.

Эти слова, произнесенные в ее присутствии, очень огорчили меня. Я сказала, что для такой мысли не может быть никаких оснований, и прибавила, что, если Зубов способен на подобное сумасшествие, следовало бы его презирать и не обращать на то ни малейшего внимания. Но было слишком поздно: эти злосчастные слова уже задели сердце великой княгини. Она была сконфужена, а я чувствовала себя несчастной и пребывала в беспокойстве: ничто не может быть более бесполезно и опасно, чем дать заметить молодой женщине чувство, которое должно непременно ее оскорбить. Чистота и благородство души не позволят ей его заметить, но удивление сменится неловкостью, которую можно истолковать в неблагоприятном для нее смысле.

После игр я, по обыкновению, ужинала у их императорских высочеств. Открытие великого князя не выходило у меня из головы. На другой день мы должны были обедать у великого князя Константина в Софии, в его дворце. Я приехала к великой княгине, чтобы сопроводить ее. Ее высочество сказала мне:

– Отойдете от других: мне нужно вам кое-что сказать.

Я повиновалась; она подала мне руку. Когда мы были довольно далеко и нас не могли слышать, она сказала мне:

– Сегодня утром граф Ростопчин был у великого князя и подтвердил ему все замеченное относительно Зубова. Великий князь повторил его разговор с ним с такой горячностью и беспокойством, что со мной едва не сделалось дурно. Я в высшей степени смущена. Не знаю, что мне делать: присутствие Зубова, наверное, будет стеснять меня.

– Ради бога, успокойтесь, – сказала я ей. – Все это так сильно действует на вас из-за вашей молодости. Вам не надо испытывать ни стеснения, ни беспокойства. Имейте достаточно силы воли позабыть сказанное, и все пройдет само собой.

Великая княгиня немного успокоилась, и обед сошел довольно хорошо. Вечером мы пошли к императрице. Я застала Зубова в мечтательности, беспрестанно бросающим на меня томные взгляды, которые он переносил потом на великую княгиню.

Вскоре несчастное увлечение Зубова сделалось известно всему Царскому Селу. Тогда поверенные Зубова и его шпионы стали стараться подействовать на меня. Графиня Шувалова была первой, кому Зубов признался в своих чувствах. Граф Головкин, граф Штакельберг, камергер Колычев – впоследствии гофмейстер двора, фрейлины княжны Голицыны и доктор Бек сделались моими надсмотрщиками. Они ежедневно давали отчет в своих наблюдениях графу Салтыкову. Наши прогулки и разговоры с великой княгиней, ее малейшее внимание ко мне – все подвергалось надзору, обо всем толковали, пересуживали и через Салтыкова передавали Марии Феодоровне. Я была окружена целым легионом врагов, но чистая совесть придавала мне силу, и я так была проникнута своей привязанностью к Елисавете Алексеевне, что, вместо того чтобы беспокоиться, удвоила свои старания и, если можно так выразиться, стала увереннее. Покровительство императрицы, ее доброта ко мне и доверие великого князя устранили всякое стеснение. Эти обстоятельства только укрепляли расположение Елисаветы ко мне: мы почти не расставались, сердце ее вверяло моему все свои чувства. Я прониклась этим доверием, была им тронута, и ее репутация сделалась целью моего счастья.

Не знаю ничего привлекательнее, чем эти первые излияния души. Они как чистый источник, пробивающийся сквозь толщу скалы, пока не выйдет на поверхность, чтобы разлить воды свои и освободиться от давящей его тяжести².

Ревность Александра к Зубову не прошла бесследно. Постепенно они и Елизавета отдалились друг от друга. Александр завел себе любовницу – Марию Нарышкину, которая родила ему внебрачную дочь Софью, трагически умершую совсем молодой. Всего Александру приписывали 11 внебрачных детей. У Елизаветы тоже родились две дочери – Мария и Елизавета, но обе не дожили и до третьего года рождения. Возможно, младшую из дочерей Елизавета родила не от Александра, а от своего любовника Алексея Охотникова. Связь эта строжайше скрывалась и стала известна уже после смерти Елизаветы, когда Николай нашел и уничтожил письма Елизаветы к Охотникову, показав их предварительно своей жене императрице Александре Федоровне. Она записывает в своем дневнике:

«Если бы я сама не читала это, возможно, у меня оставались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, императрице Елисавете, в которых он называет ее “моя маленькая женушка, мой друг, мой Бог, моя Элиза, я обожаю тебя” и т. д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом дворце, и они проводили вместе 2–3 часа. С письмами находился его портрет, и все это хранилось в тайнике, в том самом шкафу, где лежали портрет и памятные вещи ее маленькой Элизы, – вероятно, как знак того, что он был отцом этого ребенка. Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье, и, оглядываясь при этом на себя, я молила Бога, чтобы он уберег меня от такого, так как один легкомысленный шаг, одна поблажка, одна вольность – и все пойдет дальше и дальше, nepocтижимым для нас образом».

² Записки графини Варвары Николаевны Головиной. СПб., 1900.

“Дорогая Элиза, позволь мне дать тебе один совет, а вернее, не откажи в небольшой просьбе: не меняй время твоей прогулки, это сможет показаться странным и встревожит Императора. Вспомни, что он тебе говорил наперед”.

В другом месте написано: “Не беспокойся, часовой меня не видел, однако я поломал цветы под твоим окном”, затем идут чудовищные любовные заверения: “Если я тебя чем-то обидел, прости – когда страсть увлекает тебя целиком, мечтаешь, что женщина уступила бы нашим желаниям, отдала все, что более ценно, чем сама жизнь”. Чувствуется, что он испытывал настоящую страсть; он любил женщину, а не императрицу; он обращается к ней на “ты”, называет ее своей женой, потому что уже привык к этому и не может смотреть на нее иначе. Он говорит о назначенном свидании, мечтает, чтобы ночь была безлунной, так как только в темноте он может отважиться забираться по стене. Однажды он заболел и был вне себя, что не придет к ней. По-видимому, передавала письма и была посредницей некая М. Когда императрица еще носила свою Элизу, он умер в страшных мучениях; она узнала об этом, и в то время по ней действительно было видно, как тяжело она страдает и скорбит, о чем рассказывала мне императрица-мать».

Великий князь Николай Михайлович, племянник Александра и автор первой двухтомной биографии Елизаветы, рассказывает свою более романтическую версию: Охотников был убит на улице, когда поздно вечером возвращался из театра. В Петербурге винили младшего брата Александра, Константина, который решил таким способом восстановить честь семьи. (Александр в это время проигрывал сражение под Аустерлицем.) Но современные историки не согласны с великим князем. Они считают, что, вероятнее всего, виновницей гибели любовника Елизаветы Алексеевны была чахотка.

Сам великий князь Николай Михайлович пишет: «По нашему разумению, это кратковременное увлечение императрицы несколько не умаляет ее симпатичного облика. Напротив того, увлечение это, столь страстное, более чем понятно. Ведь государыня была женщина, и притом молодая, неопытная, выданная замуж 14 лет от роду: жизни она не знала и знать не могла. Оставленная мужем, она наглядно, чуть не ежедневно видела его измену и постоянно встречала предмет его любви – лукавую Марию Антоновну... Было от чего впасть в отчаяние и раздражение. И как часто бывает в таких случаях, в это самое время подвернулся молодой кавалергард, который влюбленно смотрел на Елизавету».

Но в официальной литературе образ Елизаветы остался светлым и незапятнанным.

Императрица Елисавета Алексеевна (1779–1826)

Очерк Сергея Семеновича Уварова³

Едва император Александр перешел в обитель предков, едва смолкли около нас звуки погребального шествия, как вновь тяжкое горе постигло августейшую семью и верный ее народ. Императрица Елисавета, земная жизнь которой проявлялась лишь в ее скорби и в нашей к ней любви, соединилась на небесах с тем, кто составлял лучшую половину ее существования. Эти две сродные души не могли быть разлучены надолго; одна из них, обреченная на более продолжительное земное пребывание, отлетела с быстротой и с спокойствием, предвестником безграничного упоения и безоблачного блаженства. Если судьба императрицы не требует наших сожалений, если внутренний наш голос, который никогда не ошибается, говорит, что все ее желания теперь исполнены, тем не менее сколько причин для нас самих оплакивать ее быстрое исчезновение. Частица императора Александра продолжала его существование, и этот драгоценный остаток его исчез; свидетель его предсмертной борьбы, дорогой предмет, на который обращен был последний его взор, оставался между нами и покинул нас; рука, которую он пожимал умирающею своей рукой, охолодела. Одинокая лампада, которая теплилась над его могилой, погасла навсегда...

О, как ничтожны и бессильны утешения людской мудрости в минуту сильной скорби и необычайная несчастья! Как плохо эта мудрость нам объясняет сочетание тех явлений, которые нами руководят, и как раздирает то сердце, которое утешает, отнимая у него лучшее чувство, которое соединяет его с вечностью! Красноречива и искренна может быть скорбь человека только верующего и любящего. Будем надеяться, что все ее ожидания оправдались, и главное, да не убоимся мы преувеличить наше почитание к усопшим; это чувство выпадает на долю не многих набожных и чутких душ, толпа умеет жить только с живыми.

Тридцать лет жизни императрицы Елисаветы в избранном ею отечестве были выражением добродетели без чванства и благодеяний без огласки. Она принесла нам в дар богато одаренный ум, благороднейшие качества сердца, небесный образ и душу еще более небесную – и чрез 30 лет возвратила могиле и вечности.

Тесный круг жизни женщины, еще сжатее на престоле сердечными привязанностями, и исполнение семейных обязанностей наполняли ее уединение. Небо не дозволило императрице долго наслаждаться радостями материнской любви, и существо, самое способное чувствовать все достоинство этой любви и исполнять ее обязанности, было осуждено видеть умирающими в своих объятиях предметы своей нежности. Они были похищены у нея один после другого, и как Рахиль: «она не хотела утешиться, потому что их не было более».

Те, которым дано было счастье видеть вблизи императрицу Елисавету, имели возможность судить о чрезвычайной общительности ее ума и необыкновенной верности ее суждений. Одаренная большим тактом и изящным вкусом, обладая массой разнообразных и глубоких познаний, она всегда старалась скрывать свои дарования, в противоположность того рвения и умения, с которыми обыкновенно люди селятся выказывать их. Ее ум имел свойство созерцания, позволявший ей видеть во всем окружающем серьезную сторону; но вместе с тем пылкое и богатое воображение придавало этому строгому уму прелесть и грацию простоты; совокупление этих качеств порождало то обаятельное действие, которое невозможно описать. Освоенная со всей европейской литературой и постигая отдельный характер каждой нации, императрица почерпала у всех источников умственной жизни богатство

³ Уваров С. С. Императрица Елисавета Алексеевна / пер. Е. Б. Зубовой // Русская старина. 1884. – Т. 41. № 1. – С. 225–231.

мысли и зрелое мышление, придававшая ей беседе замечательный характер. Императрица поражала с первым впечатлением своим здравым смыслом, умом строгим и просвещенным и совершенной простотой; позднее открылось многое, тщательно скрываемое под завесами ее скромности, превосходство ее ума образованного, редкое умение излагать изящно и метко свои мысли письменно и в беседах, врожденная способность обозревать мелочь житейской жизни, ясность суждения, которая придавала жизни ее настоящую цену и пылкость души увлекающейся и впечатлительной, которая возвышала лиц, удостоенных ее уважения, в их собственных глазах. Ее сила воли над собой, сияние ее высоких добродетелей, отчуждение ее высокого положения, в которое судьба ее поставила, все придавало ее личности нечто величественное, внушающее уважение и обожание, но вместе с тем не позволяло быть более известной, вне того тесного круга жизни, предназначенная ей судьбою и любовью.

Портрет Великой княгини Елизаветы Алексеевны. Художник Э. Виже-Лебрен. 1797 г.

«...Она образованна и продолжает учиться с удивительной легкостью. Она лучше всех других русских женщин знает язык, религию, историю и обычаи России. В обществе она проявляет грацию, умеренность, умение выразиться...»

(Граф Федор Головкин о Елизавете Алексеевне)

Полная, безпристрастная справедливость памяти ее требует упомянуть также о ее бесчисленных благодеяниях, ознаменовавших каждую минуту ее жизни; ее сострадание к несчастному имело просвещенный характер ее ума и теплый порыв ее души. Ей недоступны были наслаждения удовлетворенной гордости; императрица попирала ногами блеск житейской суеты и отказалась бы от всего для удовлетворения жгучей потребности творить добро, составлявшей достояние, усвоенное всею августейшею семьею, которая в продолжение 30-ти лет гордилась и любовалась ею. Источником ее деятельной благотворительности служила ее набожность, возвышенная, просвещенная и превосходящая все мечтания. Эта чистая, непорочная душа возвышалась безпрепятственно к превысшей воле, где почерпала свою силу и свой душевный покой. Строгая к самой себе, снисходительная к ближним, императрица выражала делом то, что другие выражают на словах. Высота ее положения обуславливалась чрезвычайною возвышенностью ее чувств; величие престола состояло у нея лишь в полном отрешении от житейской суеты и в силе сочувствия ко всему, что касалось предметов ее любви и уважения.

Императрица Елисавета сохранила, до последней минуты своей жизни, наружность величавую и приветливую, покорявшую все сердца; прелестный орган, восхитительный стан, грацию во всех движениях, полную простоты и царского величия. Ее дивная красота, не имея себе ничего подобного, поразила всю Россию. Все, имевшие счастье присутствовать при пиршествах бракосочетания (1793 г.), припоминают с восторгом картину, которую представляла собою эта юная чета; говорят, что при ее появлении повсюду раздавались невольные возгласы удивления; сравнение с Психеею представлялось каждому. Нельзя было довольно налюбоваться этой четой, столь юной и столь счастливой; жизнь едва только им передала первые свои впечатления и скрывала все горькое и жесткое, которое она ей готовила в будущем. Этот великий блеск, этот цветок юности поблек, но императрица сохранила все выражение и всю свою прелесть; черты лица ее носили отпечаток ее сердечных порывов, со свойственной, только ей одной, силой очарования. Время, лишая ее чело венка из роз, воздвигнуло над ней сияние нетленное, и это сияние не поблекло....

Императрица Елисавета любила искусства и находила в них отдохновение; ее вкус к изящному соединялся с редким пониманием и с массой познаний самых разнообразных. Все отрасли художеств имели доступ к ее покровительству; она посылала в Италию, на свой счет, молодых русских живописцев, помогала другим заниматься наукой. Ее ум, свободный от всякого предразсудка в литературе, оценил точно так же и поэзию: она переходила от одной литературы к другой с одинаковым увлечением. Расин не мог желать лучшего судьи; Гете привлекал ее внимание при каждом своем классическом творении; Карамзин читал ей рукопись своей истории, и нет сомнения, что Скотт, Байрон и Мурр были бы поражены и польщены метким суждением, с которым императрица наслаждалась их произведениями, читая их каждого в оригинале; но внимание ее не останавливалось в области фантазии; сочинения, самая серьезная, были предметами ее изучения, и, конечно, ни одно замечательное произведение, на каком-либо из европейских языков вновь выходявшее, помимо всех ее окружающих, не миновало критики императрицы; она умела ценить достоинства и судить о недостатках с редкою проницательностью.

Таким образом дни шли за днями, и они были посвящены подвигам добродетели и духовной жизни, которую она также тщательно старалась скрывать от посторонних наблюдений и тем оправдывала истину, что возвышенный ум и высокая добродетель имеют одинаковое свойство; они живут своею жизнью, одобрение света внушает им ужас, от которого они спасаются в тиши уединения и в безмятежном созерцании.

Красота природы не могла не влиять сильно на впечатлительную и возвышенную душу императрицы. Она предавалась этому влиянию с естественною искренностью и с простотою, свойственною всем ее движениям; живописная местность возбуждала ее воображение и вызывала ее беседу к мирному и веселому настроению духа, которое тотчас же отражалось на ее лице с чрезвычайною прелестью. Когда она находилась лицом к лицу с природой, казалось, что судьба увенчала бы все ее желания, наделив ее самой скромной и безызвестной долей; в пурпуровой мантии она казалась рожденной повелительницей, созданной, чтоб возвеличить собой все сословия; ее присутствие освящало даже хижину...

Уже в течение двух лет здоровье императрицы видимо пошатнулось; серьезный недуг предписывал переселиться в менее суровый климат. Жребий пал на Таганрог для ее местопребывания; все знали, что у императрицы только одно желание: ни на одну минуту не разлучаться со своим августейшим супругом. Нежная привязанность императора содействовала исполнению сего желания. Они выехали вместе: Государь в цветущем здоровье, бодрый духом и телом, императрица страждущая, слабая и жертвой неизлечимого недуга. Немногие минуты прожитыя в полном согласии и в любви, усиленной угрожающею опасностью, были скоро прерваны самым неожиданным, несчастным событием. Государь внезапно скончался, и императрице суждено было закрыть ему глаза. Сверхъестественная бодрость духа, сопровождавшая ее в эти величественные минуты скорби, подала надежду, что силы ее вернулись и здоровье возобновилось, но то была лишь последняя вспышка угасающего пламени, – удар, поразивший государя, нанес смертельную рану императрице. Она, казалось, безропотно покорялась необходимости продолжать свое существование, потому что она одна только знала, что скоро умрет.

С той минуты она предалась всецело любви к Богу; ее жизнь проходила в полном уединении и глубоком созерцании; напрасно было бы поднять завесу, скрывавшую ее в это время от света, которому она уже перестала принадлежать. Она сохранила от всего земного только одно желание: она была проникнута мыслью увидеть еще раз вдовствующую императрицу, любовь которой охраняла ее и которая, казалось, предназначена была судьбой служить олицетворением мужества и добродетели. Как трогательно было бы свидание этих двух августейших жертв общего несчастья. Сколько слез, сколько излиятий любви и дружбы смеялись бы друг друга, и сколько общих молитв возносилось бы к Небу! Но иное было свыше предназначено. Свидание должно было состояться в Калуге. Прибыв 3-го мая (1826 г.) в Белев, уездный город Тульской губернии, императрица Елисавета не в силах была продолжать свое путешествие. Поспешили уведомить императрицу Марию, она тотчас же отправилась в путь. Когда она приехала в Белев, ее августейшей невестки уже более не было. Не станем описывать последние минуты императрицы Елисаветы. Она известна одному Богу. Вечером 3-го числа ничто не предвещало опасность. С наступлением ночи императрицу начало клонить ко сну; несколько часов спустя окружающие заметили ее менее спокойною, предложили ей позвать докторов, но она положительно отказалась; позднее послышался слабый стон; стон этот, быть может, был возгласом радости. На разсвете, когда вошли в ее комнату, августейшая монархиня уже прекратила свое существование; никто не присутствовал при последних минутах ее жизни и скорби. Она вся предалась Богу, и Бог взял ее к себе, без ведома людей.

Можно было бы сказать, что люди были недостойны присутствовать при таком величественном зрелище. Эта последняя борьба души непорочной, почти уже оторванной от всего

земного, это таинственное событие, одним Господом Богом вызванное и Ему Единому явное и скрытое Его волей во мраке ночи, не оставило следов – и исчезла она для мира бесследно и было им не предвиденно.

Императрицу нашли уже объятую холодом смерти, но лице ея было безмятежно и сияло спокойствием, поразившим всех присутствовавших. К ней вернулась даже незабвенная красота ея, давно уже исчезнувшая вследствие страданий. Когда было приступлено к вскрытию тела, то сердце ея нашли буквально разорванным. Таким образом, удар рока, лишивший Россию монарха, который был гордостью народа и престола, отнял у России, у всего мира, у человечества, одну из самых совершенных женщин, когда-либо живших на земле. Разумеется, место, которое она занимала среди нас, всегда останется отмеченным, и узы, соединявшие нас с нею, не совсем порваны. Мы знаем, что еще один ангел пекется теперь о судьбах России; Елисавета горячо заботится, это не подлежит сомнению, о своей родной стране и о своем родном отечестве, также о престоле, коего она была украшением, и об августейшей семье, которой она завещала вечное сожаление об ея утрате. Даже те люди, коих она удостоивала своим расположением, могут быть теперь спокойнее под сенью ея крыльев. Они имеют ныне могучаго заступника, который покровительствует им с высоты своего новаго жилища.

А теперь предоставим слово самой Елизавете. Много лет, со дня своего приезда в Россию и до самой смерти, она писала письма на родину своей матери. Письма эти очень подробные и, как водится, полны как важных событий, так и незначительных новостей. Поэтому при публикации переводчиком были отобраны отрывки, касающиеся самых значительных событий в жизни Елизаветы.

Письма Елизаветы Алексеевны матери – Фредерике Амалии, наследной принцессе Баденской⁴

1. Петербург, 29 января/10 февраля 1797 г.

«...» Не сомневаюсь, любезная матушка, что кончина доброй нашей Императрицы⁵ опечалит вас, а сама я, поверьте, не в состоянии забыть ее. Вы не представляете себе, насколько все перевернулось, вплоть до последних мелочей. Особенно поначалу сие так дурно на меня действовало, что я едва узнавала самое себя. О, сколь тяжело всегда начало царствования! Анна⁶ была единственным моим утешением, как и я для нее: она чуть ли не жила у меня, приходила утром, одевалась, почти всегда обедала и проводила весь день; мужей наших совсем не бывало дома, и мы (поелику распорядок жизни еще совершенно не установился) ничем не могли себя занять.

Оставалось только ждать, что каждую минуту могут позвать к Императрице. Вы не можете представить себе воцарившейся ужасающей пустоты, уныния, сумрачности, кои овладели всеми вокруг, кроме новых Величеств. О! Я была совершенно скандализována, сколь мало горести явилось у Императора: казалось, что только что умер его отец, а не мать, только о нем он и говорил, развешивал его портреты по всем своим покоям и ни единого слова о матери, кроме неудовольствий и порицаний всего, что делалось при ней. Конечно, весьма похвально отдавать все мыслимые почести своему отцу, но ведь и мать, сколь бы дурны ни были ее поступки, это все-таки мать, а из всего происходящего видно, что скончалась государыня. Дела бедного Зодиака⁷, про которого вы меня спрашиваете, совсем плохи. Уверю вас, надобно иметь каменное сердце, чтобы не прослезиться, глядя на него первое время и особенно на другой день после кончины Императрицы; мне было даже страшно за него, мы все уже думали, что он сойдет с ума: волосы его были всклокочены, глаза с выражением ужаса закатывались. Он мало плакал, но когда у него появлялись слезы, лицо искажалось кошмарными гримасами. Говорят еще, что в ночь смерти Императрицы он и вправду тронулся в рассудке. О, маменька! Поверьте, я не могу вспоминать эту ночь без горести и даже ужаса. Ни за какие блага на свете не хотела бы я пережить ее сызнова! В ночь со среды на четверг мы совсем не спали; муж мой провел ее в комнате умирающей вместе с великим князем и великой княгиней, которые в 8 часов вечера приехали из Гатчины. Я же оставалась до самого утра с графиней Шуваловой, не раздевалась и постоянно посылала справиться, не полегчало ли Императрице. Я не смела быть вместе с Анной (которой муж запретил приходиться ко мне) и пребывала в страшном беспокойстве и волнении. Муж мой за всю ночь два раза приходил ко мне всего на несколько минут. Перед самым утром он велел мне одеться в русское платье и чтобы было больше черного и сказал, что все скоро кончится.

⁴ Перевод с французского Д.В. Соловьева. Опубликовано в журнале «Звезда», № 1 за 2001 г.

⁵ Имеется в виду Екатерина II.

⁶ Анна Федоровна, жена вел. кн. Константина Павловича, урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская Юлиана Генриетта Ульрика.

⁷ Подразумевается последний фаворит Екатерины II Платон Александрович Зубов.

Фридерика Амалия Гессен-Дармштадская (1754–1832 гг.) – принцесса Гессен-Дармштадтская, в замужестве наследная принцесса Баденская. Дочь Людвига IX, ландграфа Гессен-Дармштадтского и Генриетты Каролины Пфальц-Цвейбрюккенской. Старшая сестра великой княгини Натальи Алексеевны, первой супруги будущего русского императора Павла I. Мать императрицы Елизаветы Алексеевны. 1811 г.

Уже с 8 часов утра я была совершенно одета. Возвратилась графиня Шувалова, ухаживавшая тоже одеваться, и мы так и провели все утро, ожидая каждую минуту известия о кончине. Я все время была разлучена с Анной и не видела ее весь предыдущий день; мне

не хотелось ни спать, ни есть, хотя я не ужинала накануне и не завтракала; подали обед, но у меня не было никакого аппетита. Наконец в час дня пришла Анна, которая решила не выходить от меня; освободил ее из тюрьмы мой муж. Я страшно обрадовалась, увидев ее, ведь в подобные минуты нам так нужны те, кого мы любим; мы стали вместе плакать и отчаиваться. В 6 часов вечера пришел мой муж, которого я не видела весь день; Императрица еще дышала, но он был уже в новом мундире. У Императора не нашлось более спешных дел, чем одеть сыновей своих в новую форму. Согласитесь, маменька, какое убожество! Не могу и передать, что я почувствовала, увидев это, и не смогла удержать слезы. Мы ждали еще до 10 часов вечера, когда вдруг за нами прислали. Нет, маменька, я просто не в силах передать свои чувства (и сейчас я все еще плачу) – это был вестник смерти. Не помню, как дошла я до ее комнат, вспоминаю только, что все передние залы были полны людей, и муж мой отвел нас в спальню и велел мне поцеловать руку Императора, став на одно колено; нас привели в соседний кабинет, где уже были маленькие великие княжны все в слезах. Бедная Императрица только что испустила дух. Она лежала еще на полу, и пока мы были в этом кабинете, ее обмыли и одели. Я не могла говорить, колени мои дрожали, и меня всю трясло, но слез совсем не было.

Император и его генерал-адъютанты ходили и выходили, все было ужасающе переворочено.

Когда Императрицу обрядили и стали читать заупокойные молитвы, нам было велено войти для целования руки (как полагается по обычаю). Отсюда сразу в церковь принимать присягу; еще новые отвратительные чувства, зрелище всех сих людей, клянувшихся быть рабами и рабынями человека, которого я в ту минуту презирала (быть может, несправедливо). Видеть его самого на месте доброй нашей Императрицы, столь самодовольного, видеть уже начавшиеся низости! О, сколь сие ужасно! Не знаю, но мне казалось, что если кто и был создан для трона, то уж конечно не он, а она. Из церкви мы вернулись в 2 часа ночи. Я вся была настолько перевернута, что не могла плакать, мне казалось, будто все это какой-то сон. Вообразите только, что за одну ночь все, абсолютно все, переменялось, представьте наши чувства при виде этих павловских и гатчинских офицеров, которых никогда прежде здесь не видывали и которые распространились теперь по всем коридорам и лестницам дворца; повсюду мы видели уже что-то новое. Только на следующий день я уразумела свое положение и провела злосчастную сию пятницу почти в непрерывных слезах, а вечером у меня поднялся жар.

Перечисляя, как в дневнике, все случившееся, я невольно остановилась на Зодиаке; поначалу с ним обошлись довольно милостиво и оставили в должности генерал-фельдцейхмейстера. Но, к несчастью, Император заказал на находившейся в его ведении мануфактуре ружья; не знаю уж, то ли он сам, то ли кто-то из подчиненных запамятовал сие дело, и это возбудило гнев Императора. От сего бедный Зодиак тяжело захворал и стал проситься в отпуск, каковой и получил; также пришлось ему заплатить не знаю уж сколько тысяч за те забытые ружья. Теперь никто даже не смотрит в его сторону, и несчастный приходит по праздникам как простой смертный в общей толпе. Хотя у него есть дареный дом, но живет он у замужней сестры и почти никого не видит, а теперь собирается ехать в чужие края.

Но хватит о Зодиаке! Знаете ли, маменька, никогда еще не встречалось мне столь верного и краткого суждения, как мнение принцессы Кобургской о нынешней Императрице⁸. Непонятно, как сумела она, видев ее так мало, составить воистину безупречное суждение. Конечно, Императрица добра и неспособна обидеть кого-нибудь, но для меня непереносимо ее подлое поведение с девицей Нелидовой⁹, сей отвратительной страстью Императора. Только

⁸ Имеется в виду свекровь Елизаветы Алексеевны, императрица Мария Федоровна, жена Павла I.

⁹ Екатерина Ивановна Нелидова, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны.

эта Нелидова и может хоть как-то влиять на него. Так вот, Императрица безудержно подличает перед ней и добивается этим доверия и внимания Государя. Они в наилучших отношениях, благодаря заискиваниям и подлаживаниям к Нелидовой Императрицы, которая почти неразлучна с нею, а поэтому большую часть времени может пользоваться обществом Императора.

Скажите, маменька, разве душа возвышенная не предпочла бы безвинно страдать, нежели опускаться до столь недостойных и, осмелюсь сказать, глупых низостей? Кого сие может обмануть? А ведь это та особа, которая должна заменить мне мать, к которой я обязана относиться с безраздельным и слепым доверием! Скажите, любезная маменька, возможно ли сие? Представьте себе, этой зимой Император и Императрица поссорились, и она, вся разодетая (был какой-то праздник), поехала в монастырь, где живет Нелидова, просить ее помощи для примирения. Просить ту самую особу, которую она еще совсем недавно поносила и открыто презирала, которую винила во всех своих горестях. Как можно иметь столь мало самолюбия и так недостойно держаться! У этой Императрицы совсем нет никакого соображения и никакой твердости, и при всех сколько-нибудь серьезных обстоятельствах она совершенно не умеет вести себя. И, повторяю, она должна заменить вас! Вы бы видели мужа моего при всех подобных оказиях, как он сердится на нее и часто говорит: «Какие глупости делает матушка, она совершенно не владеет собой!»

2. Павловск, 27 июня/8 июля 1797 г., суббота, после обеда

Г-н Пиклер сегодня прислал сказать, что уезжает через 8 или 10 дней, и посему я пользуюсь сей оказией, дабы написать к вам, любезная моя маменька, особливо через посредство того самого портфеля, каковой столь удачно уже послужил нам.

Когда я писала вам последний раз, то была, а вернее, были мы вместе с Анной в весьма стесненных обстоятельствах; признаюсь, я никак не думала, что наш образ жизни будет столь *unheimlich*¹⁰ и даже не сам по себе, а из-за дражайшей нашей Императрицы. Я неустанно повторяю, сколь она добра, но все-таки до крайности неприятно все время быть при ней; мне не объяснить всего этого, всех этих мелочей, которые постоянно перед глазами, необходимость устраивать свое время, свои даже самые незначительные дела в зависимости от чужого человека, с которым не привык жить (ведь видеться в обществе или проводить вместе не более часа, да и то не всякий день, это не значит жить). Согласитесь, сие весьма обременительно. <...>

Меня очень радует предстоящий отъезд Императора и Императрицы в Ревель; надеюсь, мы получим свободу, но я бы все-таки предпочла, чтобы великий князь остался со мной. Тем не менее иметь честь не видеть Императора – это уже само по себе не мало. Признаюсь, маменька, даже слышать о сем человеке для меня просто *widerwartig*¹¹, а уж об его обществе и говорить нечего, если любой, имевший несчастье сказать что-либо неугодное Его Величеству, может нарваться на грубость. И поэтому, уверяю вас, все общество, исключая нескольких приспешников, ненавидит его; говорят, будто уже ропщут даже крестьяне. Да что там все эти злоупотребления, о которых я писала вам в прошлом году! Теперь они удвоились, и жестокости совершаются на глазах у самого Императора. Представьте себе, маменька, он велел бить чиновника, ответственного за припасы для императорской кухни, только потому, что к обеду подали дурное мясо; бить в своем присутствии, да еще самой крепкой тростью. Когда он посадил под арест одного человека, а муж мой возразил, что виновен совсем другой, ему было сказано: «Это не важно, они разберутся друг с другом». Вот самые обыденные происшествия, по которым можно судить о характере сего человека. Как тяжело всякий день

¹⁰ Ужасный (нем.).

¹¹ Отвратительно (нем.).

видеть несправедливость и жестокость, постигающие людей беды (а сколько несчастных на его совести!) и сохранять видимость почитания и уважения к нему. Согласитесь, маменька, это истинное мучение. Но все-таки я самая почтительная из невесток, хотя, по правде говоря, без каких-либо чувствований. Впрочем, любовь ему не нужна, только один страх, об этом он и сам говорил.

Воля его всеми и повсюду исполняется, все боятся и ненавидят его, по крайней мере, в Петербурге. Временами он может быть любезен и даже ласков, когда ему захочется, но характер его переменчивее флюгера.

3. 29-го, понедельник

Увы, маменька! То, что писала я вам позавчера касательно воображаемой мною свободы в отсутствие Их Величеств, рассыпалось; придется все так же гнуть шею под ярмом: было бы просто преступлением дать нам хоть единую возможность вздохнуть свободно. На сей раз все исходит от Императрицы, она пожелала, чтобы в их отсутствие мы жили во дворце, проводили все вечера с младшими и их двором и, в довершение всего, каждодневно наряжались как в присутствии Императора и появлялись в свете, дабы Сохранялся вид настоящего двора – это собственное ее выражение. О, Боже мой! Возможно ли придавать такое значение подобным пустякам!

Не знаю, что со мной сделалось бы, не положи я себе за правило переносить с величайшим терпением все неприятности; после отъезда нашего из Москвы, предвидя все то множество мелких и больших тягот, предписала я себе полнейшее безразличие к первым и невозможное терпение ко вторым, что бы ни случилось. Я сказала себе: «Спокойнее! Мы посланы в сей мир отнюдь не ради удовольствий, надобно стать выше всего и не подпускать к себе страдания». Благодаря сему я чувствую себя отменно хорошо, а когда является желание роптать, я лишь говорю: «Терпение!» и возвращаюсь in mein Gleis¹². Я переменилась за эти три недели отдыха. Но со вчерашнего дня опять скука. Сегодня день Св. Петра, и после представления в парке должен быть праздник, если прекратится уже начавшийся дождь. Все это хорошо и прекрасно, если бы не печаль и убийственная пустота среди всей этой давящей толпы. Ах, маменька! Я все о том же: истинное счастье только вместе с любимыми и на пространстве не более ладони! При покойной Императрице для некоторых глаз цепи казались позолоченными, нам было чуть свободнее и, несомненно, меньше неприятностей и больше развлечений. Но если теперь уже вся вселенная не видит, что они из железа, значит, вселенная просто слепа.

4. 30-го, вторник

«...» сердце мое разрывается при виде фимиама, каковой люди воскуряют своему угнетателю. О, если бы весь свет думал так же, как и мы! Простите, маменька, что я даю себе волю, но уши мои воистину гудят от рассказов про все его притеснения и безумства, и надо быть деревянной, чтобы не возмущаться. Каждый говорит одно и то же, это всеобщий вопль противу переворачивания всего с ног на голову. В одном только случае я пожелала ему добра, когда он столь благородно обошелся с польскими пленниками¹³. Это было справедливо, но вы бы видели, как он раздувался от самолюбования. И вправду, маменька, умные люди подчас глупы – лучше сего уже не скажешь «...»

5. 1 июля, среда

¹² На свою стезю (нем.).

¹³ Имеются в виду поляки, оказавшиеся в русском плену после подавления восстания 1794 г. Одним из первых актов Павла I по восшествии на престол была объявлена для них всеобщая амнистия.

Со вчерашнего дня мы в Петергофе. Это очаровательное место, которое я всегда любила, но Император портит его; если бы мы были одни или с покойной Императрицей, я не желала бы ничего лучшего. Мы и хотели остаться здесь в отсутствие Императора. Но у нас не принято справляться о желаниях людей, за них решают как за самих себя, и раз Императрица уже решила, что мы должны ехать в Павловск, мы не осмеливаемся даже просить о том, чтобы остаться здесь. Уверяю вас, маменька, случись вам повидать все то, что тут происходит, у вас при вашем отвращении к эгоизму непременно разлилась бы желчь. Вы увидели бы, что все делается исключительно на этом принципе, и сие отнюдь не скрывают. Почитается совершенно естественным, что Император и Императрица поступают лишь по собственному капризу. <...>

Брак великой княжны Александры со шведским королем окончательно разладился после недавнего его письма, в котором говорится, что вся нация желает для него иного супружества, и посему Он принужден отказаться от этого. Император нашел его письмо крайне дерзким и сказал, что только рад происшедшему разрыву.

По правде говоря, одна Императрица могла верить в любовь этого короля после стольких его отказов бедной Александре. Сама княжна втайне очень довольна. Теперь ее хотят предложить одному из австрийских эрцгерцогов, не знаю, какому именно.

По правде говоря, мне не хотелось бы подобно ей быть предметом торговли, но она, естественно, не понимает этого, ведь это еще ребенок, ей хочется заполучить для себя мужа, чтобы не остаться старой девой. Как я уже писала, она каждую неделю меняет предмет своей страсти. Императрица утверждает, будто король хочет жениться на Фрик¹⁴; я ничего этого не знаю, но она непременно требует от меня, если вы напишете что-нибудь о сем деле, сразу же уведомить и ее. Боже, сохрани бедную Фрик стать королевой! Кстати, писала ли я, что Императрица говорит, будто ее брат Александр влюблен в сестру Амалию? По ее словам, он просто лишился рассудка. Она пристаёт прямо-таки с ножом к горлу, требуя признаться, что мне это известно, но я все отрицаю. А к чему приведет подобный брак? Совсем забыла написать, любезная маменька, в письме, посланном с г-ном Жезо, – когда я пишу молоком, можно не держать бумагу над огнем, а только посыпать холодной угольной пудрой, и тогда проступят буквы. Способ сей позволяет писать с обеих сторон листа.

Сделайте одолжение, милая маменька, передайте это сестре Каролине, которой я предложила употреблять сие средство. Прощайте, моя добрая и милая маменька. Чем дольше длится наша разлука, тем сильнее стремлюсь я к вам; о, сколь жестоко держать меня вдали от всего, что я люблю!

¹⁴ Сестра Елизаветы Алексеевны, Фридерика Вильгельмина Доротея, впоследствии жена шведского короля Густава IV Адольфа.

Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Павловск» – дворцово-парковый ансамбль конца XVIII – начала XIX веков, расположенный в городе Павловске, современном пригороде Санкт-Петербурга. Ядро дворцово-паркового комплекса – Павловский дворец, который являлся летним дворцом Павла I

6. Павловск, 4/15 августа 1797 г.

Наконец-то завтра отправляется г-н Пиклер, и я открываю мой пакет, пролежавший уже две недели, чтобы рассказать вам, любезная маменька, о некоторых здешних происшествиях. Воскресным вечером мы как расслабленные томились на променаде в саду, и вдруг слышим: бьют в набат (заметьте, что здесь стоит по батальону от каждого гвардейского полка, не считая кавалергардов, гарнизонного батальона, гусар и казаков, как будто ждут вражеского нападения). Никто не сомневался, что это пожар. Император, великие князья, все военные побежали туда. Не успели мы с Императрицей и прочим обществом дойти до тех ворот, через которые подъезжают ко дворцу, как он уже был окружен войсками; нигде ничего не горит, но со всех сторон раздаются тревожные сигналы, и невозможно понять, кто первый начал все это.

Солдаты, возбужденные сверх всякой меры, кричат «Ура!» (это их боевой клич, какой всеми силами хотят переменить на «Виват!»), хотя зачем надобно ломать язык?).

Батальон моего мужа при его появлении кричит еще пуще, он едва успокоил их, Наконец, видя, что ничего не случилось, Император велел всем разойтись, весьма довольный проявленной расторопностью. При сем случае лошадь ушибла двух офицеров, а два солдата были весьма серьезно ранены. Но так и не удалось ничего узнать о причинах сей тревоги; впрочем, под рукою говорили (то есть втайне от Императора), что все нарочно подстроено, и еще утром ходили слухи, будто вечером что-то случится. Можно было бы подумать, что сие затеяно самим Императором, однако ясно, он тут совершенно ни при чем. Так все это и осталось без последствий. А сегодня, во вторник, опять при начале променада, вдруг раздалась какие-то крики, прискакали казаки, гусары, все вперемежку, с ужасным шумом. На сей раз Император не на шутку встревожился и побежал к месту беспорядка. Императрица, которая в прошлый раз подумала о том же, что приходило в голову очень многим, до смерти

перепугалась и с раздражением (испугавшись, она всегда сердится) послала камергеров и всех прочих к Императору. Мы с Анной пошли туда же, обуреваемые надеждой, поелику все сие казалось чем-то настоящим. Придя к большой дороге, мы увидели, как все бегут со всех сторон; разгневанный Император с обнаженной шпагой подбежал к гусарскому офицеру, прискакавшему со своим отрядом, стал бить его лошадь и кричать: «Назад, каналья!» (это его любимое выражение). С помощью адъютантов и ругательств удалось, наконец, разогнать собравшихся. Император в гневе и беспокойстве, Императрица и пуще того, без толку кричит, что это подлость и наглость, и требует неперемных кар. Император вместе с сыновьями возвращается в казармы своего батальона, у него припадок ужасной ярости, и он велит тут же, на своих глазах, бить двух солдат. Бог знает за что лупит по щекам унтер-офицера, который ответил, что не знает, кто первый выбежал. Потом лишает чинов офицеров, но тут же смягчается. Я не сомневаюсь, что все это, с одной стороны, служебное рвение и страх провиниться, но, с другой (кладу свою голову), – так же как и вообще очень многие – часть войск надеется собраться для того, чтобы хоть что-то сделать, ведь иначе зачем вся эта готовность сбежаться в одном месте со знаменами, без чьего-либо приказа и без каких-либо признаков тревоги? Никогда еще не представлялось столь благоприятных okazji, но они слишком привыкли к своему ярму, чтобы сбросить его, и при первом решительном окрике сразу прячутся под землю. О, если кто-нибудь мог бы встать во главе! Ведь это просто тиран, любезная маменька, а она¹⁵ (как бы я хотела, чтобы вы побывали на моем месте и убедились сами) всякий раз делает новые глупости. <...>

7. Петербург, 13/25 марта 1801 г.

Любезная маменька, я начинаю это письмо, в точности не зная, как скоро оно отправится; постараюсь, будет возможно, послать его с эстафетой сегодня же вечером, поелику до крайности боюсь того, как бы страшное известие не дошло до вас прежде моего письма; представляю себе, как вы тогда встревожитесь. Сейчас все уже спокойно, но позавчерашняя ночь была ужасна. Случилось то, чего можно было давно опасаться: мятеж гвардии, а вернее, гвардейских офицеров. В полночь они проникли к Императору в Михайловском дворце, а когда вся толпа вышла оттуда, его уже не было в живых; уверяют, будто от страха случился апоплексический удар, но здесь несомненно преступление, которое заставляет содрогнуться все хоть сколько-нибудь чувствительные души. Сие никогда не изгладится из души моей. Без сомнения, Россия облегченно вздохнет после четырехлетнего угнетения, и если бы жизнь Императора завершилась естественной смертью, я, может быть, не чувствовала бы того, что испытываю сейчас, поелику ужасает сама мысль о преступлении.

Только представьте себе состояние Императрицы: хоть раньше и не все оставалось безоблачно, но преданность ее была безгранична. Великий князь Александр, ныне Император, совершенно уничтожен кончиной отца своего и тем, как она случилась; чувствительная его душа навсегда разбита. Вот, маменька, некоторые подробности того, что я могу припомнить, хотя ночь сия представляется мне теперь каким-то зловещим сном. Невозможно описать донесшиеся до нас шум, смятение и радостные крики, которые до сих пор звучат у меня в ушах. Я была у себя в комнате и слышала только одно лишь «Ура!» (вы знаете, что по-русски это «Виват!»). Вскоре после сего вошел великий князь и сказал мне о смерти его отца. Боже!

Вы не можете себе представить все наше отчаяние. Я никогда не думала, что мне будет суждено переживать столь ужасные минуты. Великий князь отправился в Зимний дворец, надеясь увлечь за собой всю толпу; он сам не понимал, что делает, и искал хоть какого-то утешения. Я поднялась к Императрице, она еще не спала, старшая гувернантка ее дочерей была уже здесь, чтобы приготовить ее к ужасному сему известию. Она спустилась ко мне

¹⁵ Имеется в виду императрица Мария Федоровна.

совершенно вне себя, и так мы провели всю ночь: она перед запертой дверью на боковую лестницу, умоляя солдат впустить ее, чтобы она могла видеть тело Императора; она обвиняла офицеров, всех нас, прибежавшего врача и прочих подходивших к ней (это был просто бред); мы с Анной заклинали офицеров пропустить ее хотя бы к детям, но они ссылались то на какие-то резоны, то на полученные приказы (Бог знает чьи: в такие минуты все командуют). Я была как в беспорядочном сне: спрашивала советов, разговаривала с совершенно незнакомыми людьми, заклинала Императрицу успокоиться, делала одновременно тысячу вещей и принимала сто решений. Мне никогда не забыть этой ночи! Вчерашний день был спокойнее, но не менее тяжкий. После того как Императрица повидала тело Императора, мы перебрались, наконец, в Зимний дворец; до тех пор ее никак нельзя было уговорить оставить Михайловский замок. Весь день я провела в слезах, то с добрейшим моим Александром, то с Императрицей.

Только понимание блага Отечества может придать ему твердости духа, все прочее здесь бессильно, стоит лишь посмотреть, в каком виде получает он сию Империю! Однако я вынуждена сократить мое послание, так как добрейшая Императрица ищет утешения в моем обществе, и приходится проводить у нее большую часть дня, к тому же г-жа Пален, чей муж отправляет эстафету, ждет здесь, чтобы взять это письмо. Прощайте, дражайшая маменька, я в отменном здравии, все сии ажитации ничуть не повредили мне, только душа у меня еще не на месте; надобно помнить о всеобщем благе, чтобы не сгибаться перед лицом жестокой смерти, какого бы рода она ни была – натуральная или нет. Еще раз прощайте, все тихо и спокойно, если не считать той безумной радости, каковая охватила всех – и простонародье, и дворянство. Как печально, что сие даже не вызывает удивления. <...>

8. Петербург, 14/26 марта 1801 г., четверг, в 2 часа пополудни

Любезная маменька, я писала вам вчера с эстафетой, но, быть может, г-н Гайлинг опередит ее, ежели не помешают ему дурные дороги. <...> Как долго, дражайшая маменька, не могла я свободно писать вам. Сколь ни тягостна была для меня случившаяся таким печальным образом кончина Императора, не могу не признаться, я облегченно вздохнула вместе со всей Россией. Осмелюсь сказать, маменька, что теперь вы будете довольны моими политическими мнениями. Революцию я одобряла только по недомыслию; окружавший деспотизм лишал меня способности беспристрастного суждения: я хотела видеть бедную сию Россию счастливой, чего бы это ни стоило. Видя начинающееся брожение и ропот, я писала папа, что надобно опасаться всенародного бунта, и знаю, какие могут быть из сего следствия. Маменька, я была молода, но, взрослая, набираюсь хоть немного опытности. Я почитала всех людей подобными себе, с такими же взглядами и чувствами, забывая, что неведомые мне страсти побуждают их действовать вопреки рассудку. Ах, маменька, надеюсь, вам понятно, что после более чем годовой скованности находится столько предметов для болтовни. Теперь, впрочем, мне можно не бояться почты, хоть я никогда и не воспользуюсь ею для важных сообщений, поскольку письма открывают еще и в других местах. Но все-таки я смогу писать вам с большей свободой. <...>

9. Каменный остров, сего 1/13 сентября 1812 г.

Добавляю еще два слова, любезная и добрейшая маменька, к письму моему, которое до сих пор еще не отправлено, дабы сообщить, что позавчера, 30-го числа, мы отпраздновали большую победу над французами во время баталии в ста верстах от Москвы, прошедшей 26 августа¹⁶. По признанию участников, там был истинный ад. Потери с обеих сторон огромны, но особенно велики они у неприятеля.

¹⁶ Имеется в виду Бородинское сражение, происшедшее 26 августа (7 сентября) 1812 г.

Наполеон был принужден самолично отступить на одиннадцать верст. Только с помощью опьянения смог он заставить свои войска идти вперед, поелику у них не имелось даже хлеба. Пленные (в том числе один генерал) говорят, что французы в совершенном отчаянии, оказавшись в такой стране, где нет ни провианта, ни жителей, и непонятно, куда Наполеон завел их. Самые радужные надежды оживляют нас, и со дня на день мы ждем известия о новой баталии.

Невозможно передать все те чувства, которые я испытываю уже два с половиной месяца. Мы знаем, что сражение длилось два дня и земля содрогалась на двадцать верст вокруг. Нам сообщают о трогательных случаях героизма и стойкости даже у простых крестьян, но до сих пор ничего не известно об исходе самой баталии. Крестьяне всех деревень от Можайска (первого города возле места сражения) и до самой Москвы вооружились и с радостными песнями приходили на поле битвы.

По большим дорогам стояли женщины и чуть ли не бросались на курьеров, желая получить последние известия, а когда узнавали, что все хорошо, возносили хвалу Господу. Вот картины тех дней, когда происходила сия баталия. Бог уже начал и непременно довершит спасение несравненного сего народа! А Наполеон неопровержимо доказал, что, не имея сердца, невозможно верно понимать людей. Он полагал их или уже покоренными, или слабыми и действовал соответственным сему образом. Испания и Россия выказали такие качества, кои почитал он химерами, а теперь получил два добрых урока. <...>

10. Петербург, сего 24 сентября/6 октября 1812 г., вторник, 7 часов вечера

Добрейшая и любезная моя маменька, мне представляется оказия для Вены, и хотя судьба письма, посланного тем же путем с месяц назад, остается неизвестной, я рискую воспользоваться им еще раз. Вы в Германии плохо представляете себе, что происходит у нас, и поэтому, кроме всегдашнего наслаждения поговорить с вами сколько-нибудь свободно, я чувствую также обязанность просветить вас о положении дел.

Мне отвратителен тот дух лжи, каковой составляет основу всех дел Наполеона. Всякий, у кого есть к тому возможность, обязан противодействовать ему всеми силами. Битву при Бородино изобразили поражением, хоть она и была полностью выиграна нами с такой совершенною победой, что сам Наполеон, мечась, словно безумный, среди солдат, кричал: «Французы, битва потеряна! Меня никогда не били, неужели теперь вы допустите до этого?» А на следующий день он издал приказ, в котором говорилось, что французская армия покрыла себя позором. К несчастью, мы не смогли или не сумели воспользоваться сей победой; в конце концов, Кутузов решил оставить Москву, и сия орда варваров оказалась на руинах прекрасной этой столицы и вела себя так же, как и повсюду в иных местах. Народ наш принял жечь все то, что ему столь дорого, не желая ничего оставлять неприятелю, а Великая Нация продолжает грабить, разорять и изничтожать то, что еще сохранилось в целости. Тем временем армия наша обошла Москву и, остановившись неподалеку от той дороги, по которой прошел неприятель, уже начинает действовать на его путях сообщения.

Парадный портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. Художник Л.Ж. Монье. 1805 г.

«Государыня отличалась замечательной самоотверженностью. Все 25 лет император уговаривал ее брать деньги, но она всегда отвечала, что Россия имеет много других расходов, и брала на туалет, приличный ее сану, всего 15 тысяч в год. Все остальное издерживалось ею исключительно на дела благотворительности в России и на учреждение воспитательных заведений, как-то: Дома трудолюбия, Патриотического института, основанного для сирот воинов, убитых в Отечественную кампанию 1812 года»

(Из воспоминаний фрейлины Софьи Саблуковой)

Войдя в Москву, Наполеон не нашел там ничего, на что надеялся. Он рассчитывал на жителей – их не было, все бежали от него. Он рассчитывал на провиант и припасы, но почти ничего не нашел. Он рассчитывал на моральную победу: подавленность, упадок духа, уныние русских, но возбудил в них лишь гнев и жажду отмщения. Он рассчитывал, что теперь будет заключен мир – я посылаю вам декларацию, заявленную Императором в тот самый день, когда стало известно об оставлении Москвы. Не сомневаюсь, вы будете довольны ею, любезная маменька. Она исполнена приличествующего сему случаю благородства и достоинства; в ней выражен характер той нации, к коей она обращена. Могу заверить вас, что решимость в душе Императора неколебима. Даже если и Петербургу уготована такая же судьба, он все равно ни на йоту не приблизится к мысли о постыдном мире. Впрочем, сейчас для Петербурга нет никакой опасности, хотя многие весьма встревожились и до сих пор не могут успокоиться. Конечно, ничего нельзя утверждать с полной уверенностью в такое время, как наше, и с таким буйным чудовищем, как Наполеон, для которого жизни себе подобных не идут ни в какое сравнение с малейшей из его прихотей. Но все-таки он в семистах пятидесяти верстах от нас, то есть более чем в ста милях; между Москвой и Петербургом находится сильный корпус, а если он повернет по нашей дороге, то будет иметь позади себя всю Большую Армию; идя из Москвы, ему придется преодолевать болота, кои легко сделать непроходимыми, испортив дороги. Наконец, весьма мало вероятия, что он решится на столь опасное дело, и я перечисляю все сии подробности, любезная маменька, единственно ради того, дабы развеять могущие возникнуть по сему поводу беспокойства. А в остальном, каковы бы ни были предстоящие нам испытания, коль скоро Наполеон не может надеяться на мир, он окажется в чрезвычайно дурном положении, ежели будет оставаться в России. Тем временем Митава¹⁷ и часть Курляндии уже заняты нашими войсками; стоявшие там французские и прусские корпуса сразу же отступили при нашем приближении. Не наскучили ли вам все эти военные подробности, любезная Маменька, и не злоупотребляю ли я вашей к нам доброжелательностью столь пространными письмами? Но мне было бы затруднительно писать о чем-либо ином, это единственный предмет, который занимает нас. <...>

II. Петербург, сего 10/22 ноября 1812 г.

<...> А пока я постараюсь, елико возможно, сообщить вам о том, что происходит в действительности. После оставления Москвы нашими войсками положение дел приняло весьма и весьма благоприятный оборот. Наполеон оказался на огромном расстоянии от своих магазинов в твердой уверенности, что как только он будет в Москве, перепуганный Император подпишет мир, что занятие Москвы совершенно обескуражит всю нацию и сделает ее неспособной к дальнейшим усилиям, и что большинство богатых людей, разоренных войной или боящихся такового разорения, положат неодолимое препятствие к ее продолжению. Более того, рассчитывал он еще и на какую-нибудь революцию. Но ничего подобного не произошло. Сохранялось единодушие всех сословий, а сдача Москвы вызвала лишь всеобщее негодование и жажду мести, вследствие чего усилия, наоборот, удвоились.

Армия наша заняла такую позицию, благодаря которой Москва оказалась в некотором смысле блокированной; пути сообщения Наполеона, как я вам уже писала, были перерезаны, а добывать средства к существованию неприятелю становилось с каждым днем все труднее, благодаря храбрости и верности превосходного нашего народа, который по одному лишь инстинкту и безо всяких на то мер правительства начал войну на испанский манер. Наводящие ужас на французов казаки захватывали их фуражиров. Все сии причины в совокупности с болезнями от дурной и недостаточной пищи, равно как и прочих лишений, произвели

¹⁷ Митава – столица бывшего Курляндского герцогства, ныне г. Елгава в Латвии.

во французской армии за время пребывания ее в Москве таковое опустошение, что я даже боюсь приводить называемые цифры из опасения быть обвиненной в преувеличениях.

Наполеон, понимая невозможность зимовать в подобных условиях, вознамерился проникнуть в южные провинции, дороги к которым охранялись нашей Большой Армией. Из-за этого произошло несколько второстепенных сражений, но неодолима твердость наших войск преградила ему все пути. Наконец, после одного весьма горячего дела¹⁸, когда французы были полностью отбиты, неприятельская армия стала уходить той самой дорогой, по которой пришла сюда, и отступление сие можно смело назвать бегством. Оно еще продолжается и поныне, а число взятых пушек и пленников невероятно велико.

Можете вообразить состояние сей армии, вынужденной отступать по той же самой дороге, на которой, даже когда она шла сюда, и то находилось лишь ничтожное количество средств пропитания. Уже давно у нее нет иной пищи, кроме мяса лошадей, большей частью уже павших, но есть свидетели куда худшего – люди едят людей. Однако ничто не помогает им, смерть от голода и лишений настигает тут же, на больших дорогах. Падеж оставшихся совсем без пищи лошадей таков, что нечем везти пушки, и те, кои не попадают в наши руки, французы или зарывают в землю, или заклепывают.

Недавно целый двухтысячный корпус генерала Ожеро, брата маршала, сдался без всякого сопротивления с пушками и лошадьми. Офицеры толпой просились к нам на службу, дабы не умереть с голода, и я посылаю дословные копии двух перехваченных писем вице-короля Италии к Бертье, которые подтверждают сие. Ныне французская армия оказалась в таком положении, что ежели начальствующие нашими войсками не совершат самых непростительных ошибок, ей придется целиком сдаться на милость победителей. Сейчас она в окрестностях Смоленска. Наш доблестный Витгенштейн (в этой войне он сделал более всех других) идет справа, Большая Армия слева, а перед ними армия Чичагова, загораживающая французам путь.

Взглянув на карту, вы легко все поймете. Нет ничего невозможного в том, что и самому Наполеону не удастся ускользнуть; но я все-таки не верю в это, у него, верно, найдется какое-нибудь средство спасти свою драгоценную персону.

Когда французская армия уже пыталась пробраться к югу, а в Москве оставался лишь незначительный гарнизон, отряд Винценгероде, охранявший Петербургскую дорогу, вошел в город, и здесь сам Винценгероде, имевший неосторожность поехать вместе с парламентарями, был предательски схвачен, ведь только французы способны на то, чтобы пленить парламентаря. Винценгероде хотел уговорить гарнизон сдаться и предотвратить взрыв Кремля, о приготовлениях к которому уже знал заранее.

Его взяли в плен и увели вместе с гарнизоном, а Кремль взлетел на воздух и сгорел, исключая соборы, кои по какой-то странности, я бы сказала, чудодейственной, остались целы. <...>

12. Суббота, 7 часов

<...> Я имела истинное удовольствие встретиться с тем самым Винценгероде, попавшим месяц назад в плен, а потом освобожденным на Варшавской дороге казачьим полком под командою г-на Чернышева, о котором вы часто читали в газетах, когда он разъезжал туда и обратно между Петербургом и Парижем. Спасение сие было воистину eine Fugung des Himmels¹⁹. Лишние четверть часа, и они разминулись бы на дороге, где отряд Чернышева оказался по чистой случайности. Винценгероде, как гессенец, в Вестфалии был бы непре-

¹⁸ Имеется в виду сражение под Малоярославцем 12 (24) октября 1812 г., в ходе которого город восемь раз переходил из рук в руки и к концу дня остался у французов. Отступив, Кутузов преградил путь Наполеону в южные губернии и вынудил его отступать по уже разоренной Смоленской дороге.

¹⁹ Провидение Божие (нем.).

менно расстрелян, что совершили бы и сами французы, ежели генералы их из страха ответных репрессий не отговорили бы Наполеона. Позавчера до нас дошло известие о его освобождении, а всего час назад я с величайшим удовольствием повидалась с ним. Было весьма любопытно и интересно послушать его. Он рассказал, что баденским войскам (я впервые слышу о них) велели конвоировать пленных, и недавно, быть может, по приказанию сверху, они расстреляли целую партию под тем предлогом, что те будто бы не хотели идти. Это еще одна из подробностей, которые свидетельствуют об адских комбинациях сего монстра. Я даже предположила, что он нарочито употребил баденцев для сей комиссии. А вообще говорят о полной деморализации немецких войск, которые будто бы не уступают в жестокости французам. В Полоцке баварцы вошли в дом, где одна старая женщина содержала пансион для девочек; они переломали руки и ноги сей несчастной, которая скончалась на месте, а когда дети кинулись к ней, сии чудовища обрушились на них со своими саблями и некоторых зарубили насмерть. Вот вам добровольное и бескорыстное зверство. Виданы ли даже у дикарей подобные убийства детей и женщин?

Надобно, однако, ограничить себя в том, что я могла бы поведать вам обо всем этом, но позвольте прежде, чем отложить перо, процитировать несколько рассказов, хотя и недостаточно, но все-таки показывающих характер нашего народа. Один русский офицер, проезжая через деревню в окрестностях Москвы, остановился у какого-то дома и спросил хозяина: «А есть ли у тебя французы?» Крестьянин, смутившись, отвечал, что таковых у него нет, а на повторные расспросы сказал: «Но если бы один даже и был, ведь вы не тронули бы его?» Войдя в хижину, офицер увидел там француза среди русского семейства. «Он хворый и измученный, – объяснил крестьянин, – разве можно было не приютить его?» Дабы оценить всю возвышенность сего поступка, надобно знать тот ужас, каковой французы внушают русскому народу, и его праведную к ним ненависть. Вот истинное милосердие! А теперь пример героизма. Французы поймали в Москве нескольких несчастных крестьян и хотели забрать их к себе в солдаты. Чтобы те не сбежали, они поставили им на ладонях клейма, как это делают на конных заводах. Один из русских спросил, что сие означает. Уразумев, что теперь на нем отпечатан знак принадлежности к французскому войску, он вскричал: «Как! Я солдат французского императора?» – и тут же, схватив топор, отрубил себе ладонь, которую бросил под ноги присутствующим со словами: «Вот вам ваш знак!» Опять же в Москве французы схватили двадцать крестьян, чтобы в качестве примера запугать других, которые похищали их фуражиров и вели войну не хуже регулярных войск. Они поставили сих крестьян к стене и прочли им по-русски вынесенный приговор, надеясь услышать мольбы о пощаде.

Вместо сего оные поселяне, перекрестившись, простились друг с другом. Тогда застрелили первого, ожидая, что остальные, перепугавшись, станут просить помилования.

Застрелили второго, третьего и так подряд всех двадцать, но ни один не умолял врагов о милосердии.

Если у кого и были иллюзии относительно Наполеона, то, повидав его у нас, с ними придется расстаться – он повсюду показал, что достоин самого себя! Для святотатств, совершенных его армией, на человеческом языке просто нет слов.

Французы нарочито избирали храмы для совершения самых диких зверств. Один русский генерал вошел как-то в церковь, и слуга-турок, мусульманин, спросил его с возмущением: так что, разве французы не христиане? В московских монастырях они нарочито затаскивали монахинь на алтари, чтобы именно там подвергать их насилиям!

Впрочем, равным образом поступали они и в Испании, где царствует их же религия, поэтому отнюдь не удивительны все сии злодейства у нас. Но хватит, любезная маменька, хотя это лишь едва очерченная картина.

13. Петербург, сего 9/21 декабря 1813 г.

Бесценная моя маменька, я просто вне себя от радости – мы увидимся, и очень скоро, как только возможно! Во мне еще все перевернуто, чтобы рассказывать по порядку. Император втайне замыслил мой приезд – да благословит его Бог тысячу и тысячу раз! Лишь бы он дал мне только возможность хоть каким-нибудь образом доказать ему мою нежную и глубокую привязанность! Великий Боже! За что мне такое счастье? Иногда я даже боюсь сойти от этого с ума! Я увижу вас! Увижу сестер!

Карлсруэ! Все сии столь дорогие для меня места! Радость приготовления к путешествию, столь давно ожидавшемуся и так внезапно объявленному, да еще ускоряемому, насколько сие в моих силах, от всего этого я просто теряю самое себя!

Любезнейшая маменька, боюсь, как бы мне не умереть от восторга – чем больше я думаю, тем более проникаюсь сим чувством! Единственное, что наводит на меня тоску и нетерпение, так это необходимость ехать через столько стран, прежде чем попасть в столь вожаделенные моему сердцу места. <...>

14. Вена, сего 2 февраля 1815 г., четверг, 1 час с половиною

<...> С каждым днем я все более и более понимаю, сколь тяжело мне будет окончательно расстаться с вами. Пока я еще не ощущаю полного удаления от вас, но иногда мне кажется, что просто физически не смогу навсегда покинуть Германию.

Перед Москвою. Ожидание депутации бояр. Наполеон на Поклонной горе. Художник В.В. Верещагин. 1891–1892 гг.

*«В Кремле, точно так же, как и в большинстве частных особняков, все находилось на месте: даже часы или, словно владельцы оставались дома. Город без жителей был объят мрачным молчанием...»
(Из воспоминаний Армана де Коленкура)*

Пока я здесь, мне все представляется, будто я живу в каком-то обширном доме, хотя и в отдалении от своих любимых, однако же всегда при желании смогу увидеться с ними. Но, выехав из Германии, я все потеряю! Простите, маменька, за столь печальные сюжеты! Их пробудил отъезд Каролины²⁰, случившийся позавчера. Надобно отдать должное Императору,

²⁰ Имеется в виду сестра Елизаветы Алексеевны, жена баварского короля Максимилиана I, урожденная принцесса

что по сему случаю он был очень мил со мной и, представьте, предложил мне чаще обедать с ним и даже наедине, когда и я буду одна.

Происходящее надобно оценивать в зависимости от характера персон, а для него и это уже слишком многое значит! <...>

15. Петербург, 4/16 марта 1820 г., четверг, 1 час

Любезная и добрейшая маменька, отсылаю вам письмо с этим же курьером, дабы исполнить свое обещание – при первой оказии ответить на вопрос ваш касательно распространившихся слухов о разводе великого князя Константина.

Объяснения мои предназначены и для Амалии, которая спрашивала меня о том же.

Несчастное сие дело тянется уже более года, и впервые я узнала о нем еще в Байрейте от самой великой княгини Анны при возвращении моем в прошлом году в Россию. Об этом начал говорить с ней Император, ехавший из Штутгарта в Веймар; за недосугом он поручил ей поговорить со мной в Карлсруэ. Тогда из всего семейства об этом знали только она и брат ее Леопольд. Секрет сей принадлежал не мне, и, по правде говоря, я надеялась, что проект этот так и останется втуне. Поэтому-то я ничего и не писала вам, любезная маменька, ни тем более кому-либо из своих; здесь я сказала только герцогине Вюртембергской Антуанетте, которая и так должна была все знать, да еще вполне надежной графине Строгановой. Суть дела такова: уже несколько лет великий князь Константин имел любовницу, которая успела надоест ему, да к тому же была еще и неверна. В конце концов он пожелал переменить свой образ жизни и жениться, но не на особе равного с ним положения, а на одной польской даме. Я бы не поклялась, что во всем этом нет польской интриги, и полагаю сие даже более вероятным. Он уже давно просил у Императора разрешения на развод, еще когда хотел жениться на княжне Четвертинской, но в то время сему воспротивилась Императрица-мать своим обычным непреклонным ответом: «Выбирайте особу вашего ранга, и я соглашусь». Тогда она и не допустила сего таковым весьма разумным решением. Теперь же дела переменялись, все приняло совсем иной оборот: она уже видит Николая и его потомство слишком близко к трону, чтобы способствовать их удалению от сего вследствие законного брака Константина, и поэтому уже согласна на мезальянс, при котором все возможные отпрыски одного будут отстранены от престолонаследия посредством официального акта. Это всех устраивает: Императора, могущего таким образом способствовать счастью нежно любимого брата, вдовствующую Императрицу, поскольку это обеспечивает трон тем, кого она называет своими истинными детьми, Николая, для которого корона уже давно весьма привлекательна, наконец, самого Константина, совершенно неамбициозного и с польскими вкусами; он даже готов еще при жизни Императора отказаться от своих прав на престол. Таково состояние дел, но я спрашиваю у людей беспристрастных: хорошо ли все это? В моей душе что-то столь сильно противится сему нарушению престолонаследия и связанным с этим побуждениям, что я не могу без боли думать и говорить об этом. И чем ближе день публикации манифеста, тем более угнетенной я себя чувствую, хотя никоим образом не позволяю себе осуждать – Господь рассудит! По крайней мере, готовящийся акт составлен так, что ничем не вредит репутации Анны. Она пожелала, чтобы всему была придана форма ее собственной просьбы в том смысле, что, будучи столь длительное время в отдалении от великого князя и не имея возможности вследствие нездоровья возвратиться к нему, она не желает быть препятствием тому счастью, каковое он может обрести в другом союзе.

Синод счел возможным разрешить развод по одной только той причине, что она покинула своего супруга и в течение нескольких лет отказывается возвратиться к нему.

Анна сохраняет свой титул, и, надеюсь, денежные ее дела вследствие всех сих обстоятельств только улучшатся. Тем не менее, хоть она ничего и не теряет, все это сильно огорчает ее: ей хотелось, чтобы о ней забыли, а теперь весь этот шум будет только привлекать внимание, появятся еще новые кривотолки, хотя жизнь ее за последние годы не дает тому никаких оснований; она боится навлечь на себя презрение и даже брань и совершенно декуражирована. Бедная Анна! Два дня назад я получила ее письмо, прямо-таки ударившее мне по сердцу. Она боится еще и того, как воспримет сей развод ее мать и все семейство. А я взываю к вашему милосердию, добрейшая моя маменька, – ежели представится к тому случай, ободрите ее добрым своим отношением.

Но все-таки беды Анны не самая главная причина моих мучений – самое ужасное, на мой взгляд, то, как все будет воспринято в России. Здесь формальный развод крайне редок, и виденные мною единичные примеры всегда бросали тень на те семейства, где они происходили. А теперь царствующая Императорская Фамилия, которая более всех других не должна подавать даже повода к каким-либо нареканиям, оказывается втянутой в столь громкое дело! И наряду с тем, что на первом плане всегда соблюдается самое строгое благочестие, одновременно предпринимается мера, почитаемая большинством как противная нашей религии! В сих обстоятельствах я считаю Императора жертвой родственной любви: он не смог воспротивиться настояниям брата своего, который представлял ему все это не только как необходимое для своего счастья, но даже для очищения совести, поелику он, как сам о том говорил, уже не хочет вести беспорядочную жизнь. Но свет станет судить Императора совсем по-иному: его будут порицать, и множество неодобрительных суждений пошатнет уважение к монаршей власти, каковое, хотя и не в полной мере, здесь еще сохраняется. Бывают минуты, когда я все вижу в черном свете, но тогда говорю себе: «Это лишь игра моего воображения! Бог и здесь убережет Императора, как бывало уже не раз, будем уповать на него!» И все же, думая о публикации сего манифеста, я испытываю такой стыд, что, кажется, так бы и спряталась куда-нибудь.

Обо всем этом деле у вас теперь, верно, столько толков и пересудов, что, полагаю, общее мнение уже провозгласило свой приговор: сделайте милость, любезная маменька, сообщите мне, каков он. Не думаю, чтобы суд был слишком строг, ведь в Германии разводы куда чаще, чем здесь.

И еще одно странное обстоятельство, о котором я хочу рассказать вам, милая маменька. За весь тот год, в течение коего тянется дело о разводе, вдовствующая Императрица ни словом об оном мне не упомянула, словно ничего такого вообще не существует; не думает же она, будто я совсем ни о чем не знаю, да и видимся мы наедине довольно часто. Я не позволяю себе делать из сего какие-либо заключения, но, согласитесь, все это довольно странно.

16. Петербург, 9/21 апреля 1820 г., пятница, 1 час

Любезная и добрейшая маменька, письмо сие вместе с прочими для г-на Анстетта доставит во Франкфурт г-н Шувалов. Посылаю вам злополучный манифест о разводе великого князя Константина, уже напечатанный в петербургских газетах по-французски и по-немецки. Быть может, когда вы получите сие письмо, он еще не появится в газетах иностранных, но во всяком случае это подлинный акт. Как и следовало ожидать, он наделал здесь много шума. По большей части порицают вдовствующую Императрицу, вспоминая, что пятнадцать лет назад она сказала Императору и великому князю Константину при таких же обстоятельствах, что согласится на развод только в том случае, если великий князь Константин изберет себе жену своего ранга. Спрашивают, почему теперь, в подобном же случае, она изменила свое мнение, и на это вполне резонно отвечают: из предрасположения к Николаю и его потомству! Не обходится и без таких преувеличений, будто она сама требовала сего развода, что, конечно, совсем не так. Все это доставило мне немало неприятных минут. <...>

Таковая преамбула совсем не лишняя перед тем, как я отвечу, любезная маменька, на ваш вопрос касательно великой княгини Марии²¹. Временами у меня возникало желание видеть ее здесь, поелику вдовствующая Императрица под влиянием своей склонности к Николаю и его жене (только которых она и называет своими детьми) часто позволяет им принимать совершенно неуместный тон и вести себя самым неподобающим образом. Александрина²², получившая самое дурное воспитание, не знает, что такое обходительность, и менее всего по отношению к Императору и ко мне, а Николай поставил себе за принцип изображать всегда независимость!

Императрица-мать или не замечает сего, или же не решается что-либо сказать; сам Император прекрасно это чувствует, однако из-за своего характера, а отчасти и из-за своей отвратительной манеры смотреть на вещи, тоже молчит, хотя нескольких слов было бы достаточно, чтобы все уладить. Поэтому я часто вспоминала о великой княгине Марии, которая, мне кажется, искренне привязана к Императору.

Полагаю, что по возрасту своему и по самому образу жизни она непременно сочла бы поведение Александрины весьма неуместным. В Веймаре она расспрашивала о некоторых подробностях, до сего относящихся, и, как мне показалось, живо почувствовала все неприличие многого из мною рассказанного, хотя я упомянула лишь о малой части. Все это, равно как и заявляемая вдовствующей Императрицей любовь к великой княгине Марии, породило у меня надежду на то, что только она сможет откровенно поговорить со своей матерью о многих вещах, кои требуют поправления, и, быть может, сумеет изменить их. <...>

17. Петербург, 9/21 февраля 1821 г., среда, в полдень

<...> Меня надолго прервал г-н Карамзин, явившийся сообщить о родах сей ночью его жены; с ним никак не получалось связного разговора – целых полчаса он убеждал меня в том, что по характеру своему он человек молчаливый. Если бы я сказала об этом кому-нибудь другому, кроме вас, любезная маменька, сие было бы предательством, поелику добрейший г-н Карамзин выказывает мне трогательную привязанность. <...> Прощайте, любезная и добрейшая моя маменька; г-н Карамзин совсем прикончил меня, продержав на ногах более полчаса, да еще с порядочной головной болью. Но если бы я села, пришлось бы терпеть много дольше.

18. 22 апреля/4 мая 1821 г., пятница, 9 часов вечера

Маленький Александр²³ – красивый ребенок; он не отличается ни живостью, ни умом, но зато от природы благодушен, у него красивое лицо и приятная улыбка; к сожалению, он не совсем вышел ростом. Зато сестра его²⁴ намного живее: это настоящая маленькая барышня во всем смысле сего слова. От ее кокетства и жеманства можно умереть со смеха; она столь тонко понимает наряды, что уже в годовалом возрасте примечала все необычное в туалетах. У нее красивое личико, всегда, к сожалению, бледное и белое, как простыня. <...>

19. Царское Село, 6/18 мая 1821 г., пятница, 1 час с половиною

Стоило мне только похвастаться своим досугом, как явился неожиданный посетитель. Это добрейший г-н Карамзин, немного похожий на неотвязную муху, который, основательно просидев у меня вчера, явился и сегодня. В разговорах с ним я тысячу раз повторяла, сколь

²¹ Сестра Александра I, Мария Павловна, герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская.

²² Александра Федоровна, жена великого князя Николая Павловича, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина.

²³ Сын великого князя Николая Павловича, будущий император Александр II.

²⁴ Дочь великого князя Николая Павловича, Мария Николаевна.

нежданные гости портят мне драгоценные для меня утра. Тем не менее он продолжает свои визиты с изрядной бестактностью. Верно, мне так и суждено жить среди подобных людей.
<...>

20. Царское Село, 13/25 июля 1821 г., среда, 11 с половиной часов вечера

Любезнейшая маменька, последняя почта ничего не принесла мне ни от кого из нашего семейства; сестры упорствуют в своем молчании, а посему и следует писать мне сегодня именно к вам. Впрочем, у меня нет ничего нового, что стоило бы сего труда, тем паче, что вы, конечно, много раньше нас узнали о кончине Наполеона; событие сие не имеет ни малейшего политического интереса, но тем не менее произвело на меня впечатление. Как печально видеть столь обыденное исчезновение сей личности, игравшей более чем выдающуюся роль и потрясавшей весь свет своей волей. Он умер, выразив единственное желание быть вскрытым после смерти. Уж лучше бы его убили при Ватерлоо! Вам сподручнее судить о том, как отнесутся его родственники к сей кончине, и, надеюсь, любезная маменька, вы сообщите и мне кое-что касательно сего предмета. Как поведет себя Мария Луиза? Вспомнит ли, что он был ее мужем? Я рада, что теперь она свободна и сможет с чистой совестью вступить в новый брак, хотя и не вижу, кто мог бы стать ее супругом²⁵.<...>

²⁵ По смерти Наполеона императрица Мария-Луиза вступила в мorganaticкий брак с обер-гофмейстером своего двора гр. Нейпергом (1822), а затем с церемониймейстером венского двора гр. Бомбеллом. Разлученная в 1816 г. со своим сыном Наполеоном, герцогом Рейхштадтским, она никогда больше его не видела.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826 гг.) – историк, крупнейший русский литератор эпохи сентиментализма. Создатель «Истории государства российского», редактор «Московского журнала» и «Вестника Европы». Художник В.А. Тропинин. 1818 г.

21. Царское Село, 7/19 октября 1821 г., пятница, 10 часов вечера

Я надеялась заполучить для себя всю вторую половину дня, но к семи часам явился добрейший г-н Карамзин, а сокращать по своему желанию его визиты весьма затруднительно. Да еще вчера в Гатчине было потеряно для дела целых полдня.

Обер-гофмейстер двора великого князя Николая граф де Моден принес маленькому Александру воздушные шарики (у них есть название, но неизвестное мне). Сия игра так всем понравилась, что бедному зайчику пришлось со слезами на глазах уступить ее для больших. С особенным удовольствием развлекалась сама великая княгиня и ее фрейлины вместе с кавалерами и адъютантами. <...>

22. Царское Село, 12/24 июля 1822 г., среда, 8 часов вечера

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.